

Проблемы организации охотничьего хозяйства в Байкальском регионе в 1970-е гг.

Ю. А. Зуляр

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируется развитие охотничьего хозяйства РСФСР и Байкальского региона в 1970-е гг. Определены и рассмотрены основные направления исследования проблемы, такие как государственная политика, структура управления охотничьим хозяйством, виды и формы промысловых структур, практика и особенности ведения охотничьего хозяйства. Выделены значимые вопросы проблемы, в частности: внедрение научного подхода; создание и деятельность Центральной НИ лаборатории охотничьего хозяйства, Иркутского питомника лаек; Главное управление охотничьего хозяйства РСФСР; региональные и районные органы управления; производственные структуры и материальная база; состояние охотугодий БАМа; проблемы охотников; деятельность добровольных охотничьих обществ; борьба с хищниками; браконьерство.

Ключевые слова: Байкальский регион, Иркутская, Читинская области, Республика Бурятия, БАМ, охотничье хозяйство, рационализация охотничьего промысла, наука, лайки.

Человечество исторически существует за счет использования природных ресурсов, иного пока не дано. Ресурсы в свою очередь делятся на неистощимые, возобновляемые и невозобновляемые. Перспективная задача цивилизации, актуализирующаяся с каждым десятилетием, – осуществить переход на систему гармоничного ресурсопотребления. Обеспечение этой модели предполагает использовать в максимально доступном объеме неистощимые ресурсы, обеспечить безусловное восстановление возобновляемых ресурсов и минимизировать потребление истощимых ресурсов.

Охотничье хозяйство является идеальной системой, позволяющей рационально использовать популяции диких животных, не нанося им вреда и поддерживая при этом их в определенном напряжении, стимулируя тем самым плодовитость и здоровье животных. Ежегодный отстрел определенного количества животных может показаться несовместимым с сохранением вида, факты же говорят об обратном. Продуктивность популяции возрастает, когда она находится в равновесии со своей средой. Охотничий промысел – традиционный и прибыльный вид деятельности для населения, местного сообщества и государства.

В современных условиях охотничье хозяйство страны находится в упадке, но его возрождение объективно неизбежно. В связи с этим исследование состояния охотхозяйства страны в лучшие для него времена представляет перспективный интерес. Данная работа посвящена положению дел в охотничьем хозяйстве России и Байкальского региона (Бурятская АССР, Иркутская и Читинская обл.) в 1970-е гг.

История охотничьего хозяйства – это процесс борьбы двух противоположных тенденций – элитарной (корпоративной) и эгалитарной (основанной на общедоступности). Элитарная концепция организации охоты, утвердившаяся в Европе, основывается на признании правомерности персонифицированного ограничения доступа граждан к охоте со стороны государства. Эгалитарная концепция, общепринятая в США и Канаде, признает регулирование доступа на основе обеспечения равного доступа к охоте всех желающих.

Обе эти концепции и соответствующие им практические стратегии преодолевают дисбаланс между спросом на охоту и ее предложением, однако делают это различными способами. Европейская схема обеспечивает ограничение числа охотников, североамериканская стимулирует рост числа охотников, ограничивая их охотничью активность.

Географические и исторические реалии России обусловили популярность обеих концепций. В западной, густонаселенной ее части более приемлемыми являлись европейские подходы. В зоне Севера, Сибири и Дальнего Востока малолюдность территорий и отсутствие крупных землевладений делали излишним введение охотничьих цензов (исключая этнические, «иностранческие») [20].

В советский период демократическая тенденция доминировала, но правящая элита имела разрешенные и допускаемые привилегии при организации охоты как вида отдыха. В отличие от других стран, основным потребителем охотничьей продукции являлось государство, устанавливавшее удобный для себя порядок присвоения ресурсов дикого животного мира.

В 1970-е гг. руководство СССР и России постоянно вело работу по совершенствованию организации охотничьего хозяйства. Об этом свидетельствует даже неполный список соответствующих нормоположений, в частности: «Об упорядочении отстрела диких копытных животных» (1971) [33, с. 444], «О некото-

рых мерах по усилению борьбы с нарушениями правил охоты» (1972) [30], «Об усилении ответственности за нарушения правил охоты, уклонение от обязательной сдачи государству, незаконную продажу, скупку и переработку пушнины» (1972) [35], «О дополнительных мерах по усилению борьбы с нарушениями правил охоты» (1973) [29], «Типовые правила охоты в РСФСР» (1974) [54], «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства РСФСР» (1978), «Об ограничении охоты на бурых медведей» (1980) и др.

Вместе с тем в рассматриваемое десятилетие, кроме традиционных методов проведения охотничьей политики, обозначились или получили свое воплощение подходы, ориентированные на внедрение качественных инструментов. В частности, в 1970-х гг. был взят курс на рационализацию промысла через внедрение методов научной организации труда, к примеру, была увеличена подготовка охотоведов и охотоведение стало активно развиваться как прикладная научная дисциплина.

14 ноября 1968 г. в системе Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР была организована Центральная научно-исследовательская лаборатория охотничьего хозяйства и заповедников (ЦНИЛ Главохоты РСФСР). Перед новой научной организацией был поставлен широкий круг задач в области охотоведения. Это разработка научных методов учета охотничьих животных, научных основ организации и ведения высокопродуктивного охотничьего хозяйства, координация научной работы в заповедниках, изучение экологии охотничьих животных. Ей также вменялось изучение и решение вопросов биотехники, дичеразведения, техники охотничьего промысла и других не менее важных проблем охотничьего хозяйства страны.

Главную роль в создании новой научной организации сыграл заместитель начальника главка Н. Ф. Круторогов. Охотовед с довоенным образованием, он хорошо понимал, что без создания охотоведческой науки продвижение этой отрасли вперед невозможно. Он же и осуществлял подбор кадров для лаборатории. Существовавший в то время в г. Кирове ВНИИОЗ находился в ведении Центросоюза потребительской кооперации, т. е. являлся ведомственной структурой и в значительной степени решал ее задачи.

На должность директора лаборатории был приглашен В. Ф. Гаврин, канд. биол. наук, в недавнем прошлом директор ВНИИОЗ. Он был известен как крупный орнитолог, страстный охотник и большой любитель гончих собак. Его гибель в 1975 г. негативно сказалась на работе и моральном климате лаборатории. После него директором стал В. В. Дежкин, затем – В. А. Забродин, которого заменил А. М. Амирханов.

Гаврину удалось быстро сформировать творческий коллектив. На должность ученого секретаря ЦНИЛ, а по существу заместителя директора по научной работе, пригласили П. Б. Юргенсона, д-ра биол. наук, профессора, широко известного работами по экологии охотничьих животных, знатока заповедного дела и организатора науки. Это был в полном смысле слова классический ученый, что проявлялось в любых мелочах. К сожалению, проработал он короткое время, и в 1971 г. его не стало.

В лаборатории в разные годы работали и другие известные ученые и специалисты охотничьего хозяйства и заповедного дела: А. А. Вершинин, Ю. А. Герасимов, К. Д. Зыков, В. Г. Кривенко, Н. Ф. Реймерс, Е. В. Рогачева, Е. Е. Сыроечковский, К. П. Филонов, Ф. Р. Штильмарк, Ю. П. Язон и др. В составе ученого совета были академики Е. Е. Соколов, проф. А. М. Колосов, Б. А. Кузнецов, О. И. Семенов-Тянь-Шанский.

Структура лаборатории была гибкой, в ее составе действовал ряд отделов, возглавляемых известными исследователями. В частности, отдел экологии возглавлял д-р биол. наук Н. Ф. Реймерс. Не будучи охотоведом и охотником, он прекрасно понимал специфику охотничьего дела. Постоянно участвуя в полевых работах, Реймерс порой месяцами мок под затяжными дождями в гнилых охотничьих избушках в Сибири. После ухода Н. Ф. Реймерса в АН СССР отдел возглавил д-р биол. наук и охотовед Ю. П. Язан.

Отдел экономики длительное время возглавлял охотовед, канд. биол. наук В. В. Дежкин. Он хорошо известен охотоведческой науке как автор многих книг по охотничьему хозяйству страны и мира, а также множеству статей по различным вопросам охотоведения. Он стал доктором наук и профессором. Сотрудники отдела работали по сбору экономической информации в государственных промысловых и лесоохотничьих хозяйствах, непосредственно в охотуправлениях, детально изучали материалы годовых отчетов подведомственных организаций.

Отдел учета охотничье-промысловых ресурсов возглавил старейший охотовед, канд. биол. наук А. А. Вершинин. Его сотрудники решали сложные задачи разработки новых и модернизации старых методов учета охотничьих животных, внедрения их в практику охотничьего хозяйства. После его преждевременной кончины отдел возглавил кандидат, а впоследствии д-р биол. наук В. А. Кузякин, много сделавший в теории и практике учетных работ.

В 1972 г., по инициативе В. Ф. Гаврина, был создан отдел промысловой орнитологии, который он и возглавил. Его сотрудники занимались изучением миграций и ресурсов водоплавающих в Сибири, на Дальнем Востоке, экологией утиных и тетеревиных, совершенствованием биологических основ охоты на птиц. В 1975 г. отдел принял В. Г. Кривенко. С 1976 г. структура переименована в отдел охотничьей орнитологии, тогда сюда пришли молодые зоологи – Ю. Ю. Блохин, В. Г. Борщевский, Е. С. Гусаков, А. Б. Линьков, И. Г. Лысенко, Ф. А. Руденко, заявившие о себе новыми идеями и оригинальными разработками.

С первых дней существования лаборатории в ней был создан отдел биотехнии, воспроизводства и дичеразведения, который также возглавил В. Ф. Гаврин. Впоследствии его возглавляли П. М. Павлов, М. П. Козлова, И. А. Львов, В. Е. Размахнин. Его сотрудниками подготовлены нормативы проведения биотехнических мероприятий в охотничьих хозяйствах РСФСР, разрабатывались проекты текущих и перспективных планов расселения охотничьих животных, проводилась оптимизация водохозяйственной мелиорации с учетом охраны природы и охотничьих животных и мн. др. [46].

В России заповедное дело традиционно связано с охотничьим хозяйством. Не удивительно, что лаборатории уже в 1968 г. поручили ведение заповедной тематики, организовав отдел, которым руководил К. Д. Зыков. Для формирования первой Генеральной схемы заповедников, одобренной Госпланом РСФСР в 1979 г., были рассмотрены имевшиеся научные концепции, проанализирована существовавшая сеть заповедников и отобраны объекты для заполнения географических пробелов в этой сети. Авторами «ЦНИЛовского варианта» научной концепции стали К. Д. Зыков, Ю. Д. Нухимовская, Ф. Р. Штильмарк. Последовательное претворение в жизнь Генеральной схемы и последующих плановых документов привело к появлению многих запо-

ведников, среди которых такие уникальные, как Таймырский, Остров Врангеля, Магаданский, Байкало-Ленский и др.

Благодаря отделу заповедное дело России находилось в постоянном развитии, имея самостоятельность, собственную концепцию и теоретическую базу. Отдел разрабатывал проекты пятилетних планов НИР в заповедниках России, курировал их выполнение, оказывал постоянную консультативную помощь их научным сотрудникам. В течение рассматриваемого периода отдел фактически являлся научным центром заповедной науки в российских заповедниках. Широко известна монография Н. Ф. Реймерса и Ф. Р. Штильмарка «Особо охраняемые природные территории» (1978 г.), до настоящего времени являющаяся самым крупным теоретическим достижением в области заповедной науки. «Красная книга РСФСР (животный мир)», вышедшая в 1983 г., – результат огромной работы всей лаборатории под руководством А. М. Колосова и В. А. Забродина. Из отдела вышел первый вариант проекта Закона РФ «Об особо охраняемых природных территориях» [46].

Лаборатория искусственного дичеразведения работала с 1971 г. в составе отдела биотехнии, а затем и самостоятельно, под руководством О. С. Габузова. Изучался весь цикл дичеразведения, начиная с вопросов содержания в неволе родительского поголовья взрослых птиц и заканчивая интродукцией и рациональным использованием выращенного молодняка. Отдел создал основы отечественного искусственного дичеразведения. Разработаны технологии разведения на промышленных дичефермах фазанов, серых куропаток, крякв, серых гусей и канадских казарок, с участием специализированных проектных организаций выполнены индивидуальные и типовые проекты дичеферм, по которым построены почти все дичефермы СССР. Коллектив отдела подготовил типовую программу, учебный план и пособие по искусственному дичеразведению, по которым долгие годы велась подготовка специалистов, а также ГОСТ на комбикорма для дичи, большое количество методических рекомендаций по отдельным вопросам искусственного дичеразведения, включая ветеринарные аспекты. Большой вклад внесен в разработку технологии искусственного разведения глухаря, тетерева, рябчика, кеклика, обыкновенного перепела, а также редких и исчезающих видов птиц, занесенных в Красную книгу России – дикуши, белого гуся, сухоноса, дрофы и др.

Большая работа проведена отделом охотничьей ветеринарии (первый заведующий – Л. И. Дадевич). Исследования касались инфекционных, инвазионных и незаразных заболеваний. Вклад в изучение, борьбу и профилактику гельминтозов охотничьих животных внесли Н. И. Овсюкова, Е. П. Михайлова, бешенства, чесотки, туберкулеза – В. Е. Богатырев, В. А. Забродин и др.

Экономические проблемы охотничьего хозяйства относились к числу наиболее сложных и наименее изученных, поэтому соответствующий отдел был предусмотрен уже в первоначальной структуре лаборатории. Работу подразделения в первый период его деятельности до 1981 г. возглавлял В. В. Дежкин. Отдел постоянно занимался текущими экономическими проблемами, анализируя состояние и динамику развития охотничьего хозяйства России, обеспечивая оперативной информацией Главохоту РСФСР и другие отделы ЦНИЛ, постоянно выполнял многочисленные поручения Главохоты и Госплана РСФСР. Одним из значимых итогов работы отдела стала монография «Охотничье хозяйство в РСФСР» (редактор и составитель В. В. Дежкин) [40].

Позже остальных был организован отдел биотехнии, который возглавил канд. биол. наук И. А. Львов, имевший большой практический опыт в области государственных охотничьих хозяйств. Отдел занимался изучением влияния мелиорации сельскохозяйственных земель на охотничью фауну и разработкой нормативов биотехнических мероприятий в охотничьих хозяйствах. Одновременно исследовались причины гибели охотничьих животных. Отдел также вел исследования результатов интродукции охотничьих животных прошлых лет и изучал возможности новых выпусков объектов охоты в различных географических и административных районах. Предметами этих исследований были лоси, канадские и европейские бобры и другие звери [46].

В апреле 1971 г. был утвержден перспективный план научно-исследовательских работ лаборатории на 1971–1975 гг. Этим планом предусматривалась разработка 17 отдельных тем и 8 научно-технических заданий. В соответствии с этим планом разрабатывались вопросы совершенствования экономики и организации охотничьего хозяйства РСФСР, охотэкономическое районирование республики, методы комплексной оценки промысловых ресурсов и организация государственной службы учета охотничьих животных, принципы классификации охотугодий и охоттаксации.

Намечались исследования по определению оптимальных плотностей диких копытных (лося), по разработке государственных мероприятий рационального использования запасов соболя, изучение структуры популяции зайца-беляка. Особое внимание уделялось изучению продуктивности водных и сельскохозяйственных угодий и разработке методов ее повышения, упорядочению охоты на пернатую дичь.

С 1971 г. ЦНИЛ приступила к разработке методов промышленного разведения ценных видов пернатой дичи (фазана, куропаток, уток). Также была утверждена тема по изучению проблемы весенней охоты в России на глухаря, тетерева, вальдшнепа, крякву и ее влияния на воспроизводство дичи.

Предусматривались исследования по обездвиживанию ценных диких животных в научных и хозяйственных целях, по совершенствованию конструкций самоловов и капканов.

Значительное внимание было уделено изучению влияния режима заповедников и заказников на плотность популяций охотничьих животных, а также разработке принципов планирования перспективной сети заповедников и заказников на территории России [43].

В 1974 г. были начаты работы по кольцеванию водноболотных и куриных птиц с целью изучения их миграций. В этот период ЦНИЛ становится головной организацией в СССР по разработке основных направлений в области охраны и рационального использования птиц, повышения продуктивности охотугодий, общих принципов управления популяциями водоплавающих и тетеревиных птиц, проблем весенней охоты. Совместно с Росохотрыболовсоюзом в 1974–1975 гг. был проведен Всероссийский учет добычи пернатой дичи и зайцев.

В работе лаборатории постоянно привлекались ученые и охотоведы с регионов. Немало ученых в рамках тем лаборатории исследовали и искали пути повышения эффективности сельского хозяйства и в Байкальском регионе, к их числу принадлежал известный советский и российский зоолог, специалист по соболю и фотограф-анималист, канд. сельскохозяйств. наук, заслуженный работник охраны природы Республики Бурятия Е. М. Черникин (1928–2009). Он внес значительный вклад в дело изучения и сохранения популяции баргузинского соболя, разработал оригинальную методику животолова и индивидуального мечения соболей, послужившую основой для организации долговременного мониторинга на популяционном уровне.

Он занимался изучением соболя с 1959 г., им опубликовано более 80 работ, в том числе труды по экологии его баргузинского вида. Черникин награжден Почетным знаком Министерства природных ресурсов РФ «За заслуги в заповедном деле». А в 1971 г. он стал «лицом» заповедника в документальном фильме «Баргузинский заповедник».

Важным событием в истории развития охотничьего хозяйства России стало учреждение в 1979 г. Государственной службы учета охотничьих ресурсов РСФСР, которая издавала инструкции и методические указания по организации и методике учетов численности различных видов животных, также обобщала итоги зимнего маршрутного учета охотничьих животных в Российской Федерации [16; с. 118].

Научными исследованиями и внедрением научных разработок в практику занимались и другие структуры, связанные с охотничьим хозяйством. В частности, в ведении Центросоюза находился Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства (ВНИИОЗ) и техникумы (Московский, Иркутский, Балашовский, Семипалатинский) по подготовке кадров охотничьего хозяйства средней квалификации [41; с. 315].

Росохотрыболовсоюз (РОРС) тесно сотрудничал с научно-исследовательскими институтами в разработке путей улучшения ведения охотничьего хозяйства и рационального использования природных ресурсов. Он постоянно поддерживал деловые контакты с Всесоюзным научно-исследовательским институтом леса и материалов, Всесоюзным научно-исследовательским институтом охотничьего хозяйства и звероводства имени Б. М. Житкова, Центральной научно-исследовательской лабораторией Главохоты РСФСР, Институтом морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова и др. За первых пять лет рассматриваемого десятилетия он выделил 120 тыс. руб. на финансирование научных разработок.

По его заданию научными организациями была завершена работа по темам: «Динамика численности охотничьих животных в хозяйствах системы Росохотрыболовсоюза», «Повышение продуктивности охотничьих угодий», «Разработка, апробация и внедрение нормативов основных биотехнических мероприятий в охотничьих хозяйствах». Был разработан и издан альбом «Архитектурные биотехнические формы по сохранению фауны»,

опубликованы важные исследования по «Профилактике зооантропогельминтозовэхинококкоза, альвеококкоза и трихинеллеза в охотничьих хозяйствах», «Ветеринарно-санитарным требованиям к промыслу диких копытных животных», «Правилам ветеринарно-санитарной экспертизы продуктов охотничьего промысла». Значительная часть этих разработок была доведена до стадии методических рекомендаций для внедрения в практику и предложена хозяйствам для использования.

Росохотрыболовсоюз изучал опыт ведения охотничьего хозяйства в европейских странах. Этому вопросу было посвящено специальное заседание совета, проходившее 9 декабря 1971 г. Совет принял постановление «О внедрении передового опыта в охотничье-рыболовное хозяйство». Это решение было в русле процессов, которые привели к тому, что в 1971–1975 гг. увеличилась, с одной стороны, площадь охотничьих угодий, закрепленных за Росохотрыболовсоюзом, с другой стороны, из года в год возрастала площадь угодий, на которой проводился учет, и улучшалось качество учетных работ. Также было принято постановление Центрального правления с программой по ускорению внедрения научных достижений и передового опыта в охотничьем хозяйстве.

К 1977 г. увеличился и объем биотехнических мероприятий. Существенным моментом в деятельности Союза стал регулярный учет численности основных видов охотничьих животных, обитавших в хозяйствах. Появились сравнительные данные, которые показывали динамику численности животных и позволили увидеть перспективу развития охотничьих хозяйств. Только в 1976 г. работы по учету промысловых животных были проведены в 4 598 хозяйствах на площади 147,3 млн га.

Тем не менее, как отмечал гл. науч. сотрудник ВНИИОЗ В. Г. Сафонов (1981), результаты плановых работ научно-исследовательских учреждений и организаций не шли дальше научных отчетов и публикаций. Накопленный научный потенциал медленно и не оперативно использовался производственными звеньями (охотхозяйственными организациями), которые больше полагались на свой опыт и интуицию. Сложилась такая ситуация, что усилия ученых и производственников не были объединены общей целью и общим стимулом, не ориентированы на получение конечного результата [16; с. 177, 178, 188, 190].

Рациональное использование запасов охотничьих животных предусматривает учет их численности. Хозяйства региона ежегодно проводили эту работу. Кроме промхозов в 1970-е гг. в регионе им занималось Вост.-Сиб. отделение ВНИИОЗ Центросоюза. Оно помимо численности определяло плотность размещения поголовья в различных угодьях и факторы, влиявшие на зверьков: состояние кормовой базы и ее доступность, влияние промысла, наличие болезней, тенденции роста или сокращения численности. На основании полученных данных управления охотничье-промыслового хозяйства устанавливали сезонные лимиты отстрела и отлова промысловых животных.

Важную роль в рационализации промысла играют охотоустроительные работы. В частности, в Забайкалье с 1970 г. ими занималась экспедиция Союзгипролесхоза. Многие промхозы закрепили все таежные и ондатровые угодья на длительное время за штатными охотниками. Определялась продуктивность участков, и составлялся пятилетний перспективный план изъятия пушных зверей с учетом их воспроизводства [44, с. 67, 88].

Особым направлением работы по рационализации охотничьего хозяйства является развитие охотничьего собаководства. Данное направление в рассматриваемый период успешно развивалось в Байкальском регионе. При Иркутском тресте коопзверопромхозов – крупнейшей охотхозяйственной организации потребительской кооперации России, в состав которой входили 16 коопзверопромхозов, 2 зверохозяйства и заготовительно-сбытовая база, в 1968 г. был организован Питомник охотничье-промысловых собак Росглавкоопшुнины (ИПОПС). Он основан в соответствии с постановлением Правления Роспотребсоюза от 24 октября 1967 г. Директором питомника был назначен охотовед О. Г. Самусенко, на которого были возложены обязанности по созданию, строительству и организации работы питомника. Решением исполкома Иркутского облсовета депутатов трудящихся 19 декабря 1968 г. под строительство питомника был выделен в постоянное пользование земельный участок площадью 2,6 га. Это живописное место на правом берегу р. Иркут чуть ниже с. Моты Шелеховского района, в 50 километрах от Иркутска.

Строительство питомника завершилось в 1973 г. Были построены вольеры на 100 голов для собак основного поголовья и 400 голов молодняка, кормокухня, контора, три жилых двухквартирные дома для работников, помещение под дизельную электростанцию, гараж, ледник для хранения кормов, ветеринарный пункт и изолятор.

Одновременно проводилось комплектование поголовья ИПОПС. В декабре 1968 г. из отдаленных таежных поселков Качугского и Казачинско-Ленского районов в питомник завезли 36 щенков восточносибирских лаек. Штатный охотник Казачинского промхоза Г. Трухин, страстный любитель лаек, перейдя работать егерем в питомник, передал ему двух своих взрослых рабочих собак. Одной из них был знаменитый Джульбарс, ставший впоследствии чемпионом Пятой Всероссийской выставки охотничьих собак [15].

Формирование племенного ядра оказалось делом непростым. Руководители питомника за четыре года закупили в разных промысловых районах Иркутской области, Бурятской АССР, Красноярского края (в основном Эвенкийский национальный округ) более 500 щенят и несколько взрослых собак. Подрастающие щенки находились под постоянным наблюдением. С шестимесячного возраста среди них проводили выбраковку [50].

Совместно с работниками питомника, охотоведами треста коопзверопромхозов в работу включились работники науки и специалисты-кинологи, в том числе канд. биол. наук, эксперт республиканской категории, старший научный сотрудник ВСО ВНИИОЗ В. В. Тимофеев, доцент Иркутского сельхозинститута, эксперт первой категории А. В. Гейц, эксперт республиканской категории, старший научный сотрудник ВНИИОЗ (г. Киров) А. Т. Войлочников.

С осени 1972 г. в Иркутском питомнике лаек начали вести селекционно-племенную работу. Большое внимание уделялось полевой работе. Охотничьи угодья питомника были разнообразными: кедрачи, смешанные кедрово-еловые леса, лиственничники и ерники. Видовой состав охотничьих зверей и птиц был очень широк и разнообразен. В угодьях обитали белка, соболь, колонок, бурундук. Довольно высока была численность лося, изюбра, косули и кабарги. Боровая дичь – рябчик, тетерев и глухарь – встречалась повсеместно. Условия для натаски лаек были очень хорошими.

Вся основная работа с собаками проводилась егерями питомника. Большинство из них были молодые охотоведы – выпускники Иркутского пушно-мехового техникума. Они работали хорошо и увлеченно. Примером для них служил О. Г. Самусенко, который всего себя отдавал делу, не жалея своих сил и здоровья. Работа по натаске лаек шла успешно. Собак ставили на дипломы по белке, соболю и глухарю.

Благодаря этой работе в 1973–1975 гг. во Всероссийскую родословно-племенную книгу охотничьих собак (ВРКОС) впервые были записаны 23 классные восточносибирские лайки Иркутского питомника. Это был важный исторический момент, поскольку с этих собак питомника восточносибирская лайка начала вести свой счет как заводская порода. Вслед за лайками питомника во ВРКОС за этот же период были записаны также 16 восточносибирских лаек из Иркутска. В развитии породы восточносибирская лайка произошли значительные изменения. Согласно диалектике произошел переход количественных изменений в качественные.

В питомнике завели подсадного медведя и стали регулярно проводить притравки лаек, на которые привозили своих собак и охотники из Иркутска, Ангарска, Шелехова. Для более успешной натаски молодняка лаек по белке в специально огороженный участок леса возле питомника выпускали белок. Все это давало свои результаты – в очередной том ВРКОС (1976–1978 гг.) было записано еще 8 восточносибирских лаек, 4 из которых принадлежали Иркутскому питомнику.

Первый период деятельности Иркутского питомника лаек, когда он располагался в с. Моты, непосредственно связан с именем О. Г. Самусенко. Тогда, в середине 1970-х гг., мало кто знал, что он тяжело болен. А он «горел» на работе, совершенно не жалея себя. Частые разъезды, нерегулярное питание, недостаточное лечение подорвали его здоровье. В марте 1977 г. ему пришлось оставить работу в Иркутском питомнике лаек. Умер О. Г. Самусенко во время операции на сердце 4 декабря 1984 г. в Риге. Это был человек-труженик, хороший охотник, охотовед и кинолог, заложивший основу заводской породы сибирской охотничьей лайки.

В марте 1974 г. ушел из жизни В. В. Тимофеев – патриарх охотоведения и энтузиаст-кинолог, который оказывал большую помощь в работе питомника. После ухода из питомника этих двух энтузиастов не стало «заводных пружин», которые заставляли крутиться многих, обеспечивали движение всей большой и кропотливой работе с лайками. Достойной замены им в тот период не нашлось. В 1977–1981 гг. директором питомника работал Ю. Г. Лукин. В работе ИПОПС произошел существенный спад, продолжавшийся до 1983 г. [15].

В рассматриваемый период контроль за ведением охотничье-промыслового хозяйства в РСФСР осуществляли структуры,

созданные в 1962 г. на основе постановления «Об улучшении руководства пушно-промысловым хозяйством РСФСР» [33]. На всероссийском уровне это Главохота, выполнявшая практическую работу по организации хозяйственного использования природных ресурсов в лесных и охотничьих угодьях. В составе центрального аппарата Главохоты, в соответствии со специфическим подходом советских времен, также функционировало Управление государственных промысловых хозяйств.

Действовавшие в регионах местные органы Главохоты именовались госохотинспекциями (где не было госпромхозов) и охотуправлениями (где были госпромхозы). В Байкальском регионе действовали управления охотничье-промыслового хозяйства. Они оказывали совхозам, колхозам, промхозам и заготовительным организациям техническую помощь в проведении охотхозяйственных мероприятий, проводили работы по охране, учету и воспроизводству государственного охотничьего фонда, обследовали и устраивали охотничьи угодья, определяли размеры добычи промысловых зверей и птиц, разрабатывали предложения по установлению планов закупок продукции и непосредственно руководили государственными промысловыми хозяйствами [55; л. 41; 40, с. 19, 24, 25].

В 1963 г. Главохоте было поручено организовать районную службу охотничьего надзора (1-2 человека на район), выполнением этой работы занимался отдел госохотнадзора [31; с. 388]. Сотрудниками отдела были разработаны типовые правила охоты. На их основании субъекты федерации утверждали местные правила, регулировавшие охоту на их территории. Положения о районной службе охотничьего надзора утверждались Главохотой 27 июля 1963 г. и приказом от 28 февраля 1979 г. [42; с. 88-92]. Соблюдение этих правил как раз и обеспечивалось районной службой охотничьего надзора, насчитывавшей в конце 1970-х гг. около 2 тыс. районных и межрайонных охотоведов, охотинспекторов и охототехников.

В 1973 г. на Главохоту РСФСР было возложено осуществление контроля за правильным ведением охотничьего хозяйства и за соблюдением действующего законодательства по сохранению и обогащению полезной флоры и фауны [36].

Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР предусматривало (но изменения так и не были внесены), что дикие звери и птицы, обитающие, а также выпущенные в целях разведе-

дения в охотничьи угодья РСФСР, составляют государственный охотничий фонд, использование которого допускается с соблюдением установленных правил охоты [47; с. 285–289]. Иначе говоря, предполагалось, что регламентация добычи всех видов диких зверей и птиц устанавливается правилами охоты, а выдача соответствующих разрешений возлагалась на Главохоту РСФСР и охотуправления в субъектах России.

В результате проведенной работы в 1970-е гг. была укреплена государственная служба охотнадзора. В каждом административном районе имелся районный охотовед. При большом объеме работы в помощь ему выделялся охототехник. В местностях с развитой охотой или имеющих особо уязвимые ресурсы ценных охотничьих животных выделяли дополнительно на несколько районов старшего или межрайонного охотоведа. Вокруг этих государственных инспекторов концентрировалась общественность, а также штатные работники охотобществ и охотничьих хозяйств. В охране охотничьей фауны на местах участвовали егеря различных заказников, работники охраны гослесохотничьих и промысловых хозяйств, заповедников. К 1980 г. насчитывалось 2,3 тыс. районных охотоведов, 8 тыс. штатных егерей, 15,6 тыс. общественных охотинспекторов, около 16 тыс. членов специализированных дружин по охране природы и 12,3 тыс. общественных егерей. Вся эта армия борцов с браконьерством работала под общим руководством Главохоты РСФСР [40, с. 25; 16, с. 200–201].

В Байкальском регионе работали управления охотничье-промыслового хозяйства, и органы охотнадзора входили в них в качестве самостоятельных отделов. В районах работали районные охотоведы со средним и высшим образованием. Егеря и охотоведы имелись в охотничьих хозяйствах повсеместно. Охотничьи угодья охраняли и штатные рабочие-охотники, за которыми закреплялись промысловые участки. Охранять охотничьих животных были обязаны и работники организаций и ведомств землепользователей. В частности, в Читинской области в 1970 г. насчитывался 31 работник районной службы охотнадзора, на 1 января 1972 г. работало 23 охотоведа, 9 егерей, а на 1 января 1973 г. – 31 охотовед и 10 егерей [7, л. 30; 8, л. 28; 9, л. 23].

Вместе с тем организация и оснащение службы госохотнадзора, по оценке завотделом ЦНИЛ Главохоты В. В. Дежкина,

сильно отставала от требований времени и технического обеспечения браконьеров [11, с. 59].

Организацией охотничьего хозяйства в 1970-е гг. в стране занимались комплексные промысловые хозяйства. По определению А. М. Шалыбкова, Б. Н. Лопырева, Б. П. Иващенко, это хозяйство, разносторонне использующее биологические ресурсы дикой живой природы на основе различных промыслов и других хозяйственных отраслей, основанных на эксплуатации диких (иногда частично окультуренных) животных и растений.

Все они имели разную ведомственную принадлежность. Государственные промысловые хозяйства находились в ведении Главохоты РСФСР и были подчинены 18 управлениям охотничье-промыслового хозяйства при обл(край)исполкомах и советах министров автономных республик, 3 госпромхоза подчинены Управлению госпромхозов Главохоты РСФСР. На 1 января 1979 г. насчитывалось 97 хозяйств с закрепленной площадью в 257,7 млн га. В Зауралье было расположено 80 таких предприятий. В Байкальском регионе они занимали ведущее положение в Бурятии [56, с. 14].

В 1970-е гг. основным заготовителем пушнины в стране являлся Центросоюз. В РСФСР кооперативные звероводческо-промысловые хозяйства находились в ведении Роспотребсоюза. Руководством заготовками охотничьей продукции занимались функциональные органы потребсоюзов: Центрокооппушнина – в Центросоюзе, главные управления заготовок – в потребсоюзах союзных республик, управления заготовок – в областях, заготовительные конторы – в районных потребсоюзах; в сельских потребительских обществах (сельпо) персональная ответственность возлагалась на заместителей председателей правления. В Роспотребсоюзе для руководства промыслом и заготовками пушнины была выделена Росглавкооппушнина. Большая разветвленность этой системы облегчала снабжение охотников орудиями лова, боеприпасами, снаряжением, продовольствием и приемку продукции охотничьего хозяйства.

В ряде областей, краев и автономных республик Сибири действовали специализированные тресты, в подчинении которых находились промыслово-охотничьи хозяйства. В трестах созданы отделы заготовок пушнины и звероводства, организации сбора дикорастущих ягод, грибов и орехов, планово-экономические и другие отделы [41; с. 315].

Огромный потенциал охотничьих богатств России в рассматриваемый период использовался охотничьими хозяйствами и структурами всех видов и форм далеко не полностью. Поэтому государство всячески поощряло деятельность общественных объединений охотников-любителей. В РСФСР в рассматриваемый период насчитывалось более 5 тыс. охотничьих и охотничье-рыболовных хозяйств, принадлежавших добровольным обществам охотников и рыболовов.

Наиболее крупным из них был Росохотрыболовсоюз, в который входило в 1970-х гг. 3 337 охотхозяйств. В 1972 г. в нем имелось уже 5 175 охотничье-рыболовных хозяйств, обслуживающих 139,1 млн га охотничьих угодий. В конце рассматриваемого периода он объединял около 2 млн членов общества охотников и рыболовов. В его систему входили более 4,9 тыс. охотничьих и охотничье-рыболовных хозяйств, за которыми было закреплено 158 млн га угодий [16, с. 118, 175; 56, с. 17].

Значительно уступали ему Всеармейское военно-охотничье общество (ВВОО), за которым было закреплено 164 хозяйства, в 1980 г. – 170; и общество «Динамо» – 47 хозяйств. В 1980 г. охотничьи угодья, закрепленные за союзами Общества охотников и рыболовов, составили 23 % их совокупной площади [11, с. 71; 16, с. 175].

Основной ячейкой обществ охотников и рыболовов являлись первичные коллективы, работа в которых строилась на общественных началах. Первичные коллективы объединялись в районные общества, возглавлявшие спортивную охоту и рыболовство отдельных районов. Районные общества подчинялись соответственно областным, краевым и республиканским (АССР) обществам [56; с. 17].

В Байкальском регионе эти структуры были представлены достаточно широко, в частности в Читинской области особую роль играло Военно-охотничье общество ЗаБВО. Совместно с Организацией охотников и рыболовов оно организовало около 30 спортивных хозяйств, охотники которых принимали участие в заготовках пушнины и другой охотпродукции [39].

В целях активизации добровольных объединений охотников Правительство РСФСР 17 августа 1972 г. приняло постановление «Об упорядочении отстрела диких копытных животных» [13; 34], в котором Главохоте РСФСР разрешалось выдавать бесплатные лицензии на отстрел диких копытных животных, которых общества охотников расселили в своих угодьях и довели численность

до промысловой. Это способствовало расширению работ по расселению, и охотобщества по объемам этой работы превосходили других пользователей.

К сожалению, данное положение в дальнейшем было отменено, что привело к сокращению работ по расселению диких животных. Тем не менее, оценивая значимость общественной деятельности Росохотрыболовсоюза, в 1978 г. Правительство РФ своим постановлением утвердило Устав Союза обществ охотников и рыболовов РСФСР [37], придав этому акту юридическую силу, приравненную к правительственному решению, определив, таким образом, высокий статус и права общественной организации охотников.

Данный Устав декларировал следующие основные задачи: объединение охотников и рыболовов для организации охотничьего и рыболовного спорта, воспитание у членов общества бережного отношения к природе и рационального использования государственного охотничьего фонда и рыбных запасов; активное участие членов обществ в охране и рациональном использовании охотничьих животных и рыбных запасов, борьба с браконьерством, участие в научно обоснованном ведении охотничье-рыболовных хозяйств и воспроизводстве охотфауны и рыбы; организация членов общества на добычу пушнины, мехового сырья, рыбы, сбора ягод, грибов, орехов, лекарственных растений и др.

Благополучие любой экономической системы характеризуется ее устойчивым финансовым положением и ростом доходов. История Росохотрыболовсоюза это зримо демонстрирует. В 1959 г. его доходы составили 4 млн 856 тыс. руб., основой которых являлись членские и вступительные взносы, так как другой устойчивый источник доходов еще предстояло создать. Тем не менее в первый же год 27,2 % доходов было направлено на ведение организуемых охотничье-рыболовных хозяйств, которых к этому времени было образовано 426, а также на оргмассовую работу, стрелково-охотничий спорт, собаководство и другие мероприятия. В частности, только охотничье-рыболовным хозяйствам было выделено 751 тыс. руб.

К 1964 г. расходы на содержание хозяйств составили 28 % всех доходов, и в среднем за год в первом десятилетии деятельности РОРС достигли 41,8 %. Конечно, ежегодно происходило изменение доли отдельных статей доходов и расходов, но темпы

их роста, а также вложения средств в развитие охотхозяйств были выше, причем вложения опережали рост доходов.

Тем самым с первых шагов была подтверждена основная идея общественных объединений охотников и рыболовов: вложение средств в механизм сохранения и приумножения численности охотничьих животных. И это – не считая трудоустройства членов общества в охране, проведении воспроизводственных и других биотехнических мероприятий.

В 1961–1976 гг. определилась структура доходов и расходов Росохотрыболовсоюза. За этот период доходы системы возросли в 3,1 раза, а расходы – втрое. Доминирующими источниками, дававшими более 85 % от общей величины доходов, являлись прибыль от производства и доходы от торговли (35–37 %), членские и вступительные взносы (30–32 %), доходы от охотничьего хозяйства (с укреплением финансового состояния они менялись по годам от 18,5 % в 1976 г. до 36,7 % в 1990 г.). Другие источники доходов – лов рыбы, заготовка дикорастущих ягод, грибов, орехов и другой растительной продукции, сдача пушнины, оказание услуг населению и т. д. [16; с. 171, 172].

Повышение экономического потенциала позволило обществам охотников и рыболовов направлять значительную часть средств в охотничье-рыболовное хозяйство, т. е. на содержание охотничье-рыболовных хозяйств, охотхозяйственные мероприятия, биотехнику, охрану и обустройство охотугодий, борьбу с браконьерством, оргмассовую работу, спортивные мероприятия и развитие охотничьего собаководства.

На содержание своих хозяйств РОРС в 1969–1972 гг. внес больше средств, чем за все предыдущие годы: 27,7 млн руб. Кроме того, значительно возросло трудовое участие членов обществ. Оно составило 4 408 тыс. человеко-дней и позволило резко увеличить объем биотехнических мероприятий. Именно благодаря трудовому участию членов обществ в хозяйствах было устроено 64,3 тыс. подкормочных площадок, 63,4 тыс. солонцов, 101,9 тыс. искусственных гнезд, 19 тыс. галечников. В этот же период заготовлено и выложено для подкормки в зимний период 8 177 т сена, 2 913 тыс. веников, 7 994 т корнеплодов, 4 524 т зернопродуктов и зерноотходов. Весь этот объем работ по биотехнике невозможно было выполнить только штатным персоналом хозяйств, в которых в лучшем случае было 1–2 егеря на территорию в несколько десятков тысяч гектаров охотугодий.

V съезд РОРС поручил совету и правлению Союза создать в непосредственном ему подчинении три специализированных опытных охотничьих хозяйства и одно полносистемное нерестово-выростное хозяйство для увеличения объема мероприятий по акклиматизации и реакклиматизации европейских оленей, коз, диких кабанов, фазанов, а также ценных видов рыбы.

Это, по мнению А. П. Каледина, опровергает бытующее утверждение противников общественных охотничьих организаций о том, что основными источниками их доходов были вступительные и членские взносы, и, в свою очередь, позволяет оценить вклад обществ охотников в развитие охотничьего хозяйства страны, в содержание и существо их деятельности [16; с. 171–172, 175, 178].

Наряду с этим Росохотрыболовсоюз основное внимание уделял выполнению своей миссии – обеспечению благоприятных условий для охотников-любителей в реализации их спортивных интересов. Его хозяйства обслуживали охотников и развивали сервис, в который РОРС вкладывал значительные средства. Для приема охотников в хозяйствах было построено 2 546 остановочных пунктов, где одновременно могли остановиться 39 311 чел. Постоянно вкладывались средства в капитальное строительство гостиниц, остановочных баз, охотничьих домиков, дичеферм и др.

В материалах VI съезда РОРС (1977) указывалось, что для обогащения фауны проводилось расселение наиболее полезных для охотничьего хозяйства животных. Хотя плановые задания по расселению диких животных в основном выполнялись, объем их был недостаточен. Государственные заповедники и заказники не могли обеспечить отлов необходимого для выпуска количества животных. В связи с этим были созданы собственные охотничьи хозяйства-репродукторы, но сеть их была незначительна и в них не была достигнута необходимая плотность населения диких животных.

Другой серьезной проблемой деятельности общественных организаций являлась «обезличка» охотничьих угодий. По постановлению СМ СССР от 11 мая 1959 г., в целях рационализации охотничьего промысла охотугодя закреплялись за государственными, кооперативными и общественными организациями на срок не менее 10 лет, а в реальности на 10 лет. Этот срок стал камнем преткновения для многих обществ охотников и рыболовов, которые неохотно вкладывали свои средства в хозяйства, пе-

редаваемые им во временное пользование, к тому же на столь короткий срок.

Это обстоятельство отражалось на многих охотхозяйственных процессах. Очень медленно шло внутривладельческое охотустройство, которое началось в 1977 г., но до конца советского периода большая часть охотничьих хозяйств областных обществ охотников и рыболовов так и не была охотустроена [16; с. 171–172, 178, 180, 183–184, 188].

Особую роль и статус в организации промысловой деятельности имели государственные лесоохотничьи хозяйства, отличительной особенностью которых являлось закрепление за ними земель государственного лесного фонда. Они осуществляли ведение спортивной охоты, согласовывая развитие этой отрасли со всеми формами лесопользования. Первые гослесоохотхозяйства были организованы в 1957 г. В 1966 г. для руководства ими было создано специальное Управление Главохоты РСФСР. До 1980-х гг. имелось 25 таких хозяйств, но в Сибири только «Байкал» (Иркутск) [56, с. 18].

Определенное внимание к деятельности охотничьего хозяйства на своих территориях уделяли партийные и советские органы регионов, в частности, они в обязательном порядке контролировали назначение кадрового состава управлений охотпромысловым хозяйством. Например, 20 декабря 1971 г. бюро Бурятского ОК КПСС утвердило коллегию Управления охотпромысловым хозяйством при СМ БАССР в составе 6 чел. под председательством Н. Т. Антоненко. СМ БАССР 13 сентября 1976 г. продлил еще на 2 года срок действия «Правил охоты на территории Бурятской АССР» (от 01.08.1974 г.). Также был организован госпромхоз «Чикойский» Бичурского аймака [22, л. 137; 27, л. 55].

Региональные органы власти держали под контролем и деятельность общественных организаций охотников, оказывая им содействие, в частности, в феврале 1976 г. СМ БАССР закрепил охотничьи угодья зоны БАМа за обществом охотников и рыболовов. Были отведены участки для промысла спортсменов и любителей. 13 сентября 1976 г. Совмин Бурятии продлил еще на два года срок действия «Правил охоты на территории Бурятской АССР» (от 01.08.1974 г.). При этом из списка спортивных охотхозяйств были исключены «Исингинское» и «Темниковское», а добавлено «Гусиноозерское». В феврале 1977 г. он же поручил Бу-

рятскому ООиР обследовать оз. Колок в Прибайкальском аймаке для организации там комплексного рыбохозяйства [26, л. 32; 27, л. 55; 28, л. 8].

1970-е гг. практик и исследователь охотничьего хозяйства А. П. Каледин определяет как период становления и развития наиболее совершенных форм охотничьего хозяйства России: кооперативные заготовительно-промысловые хозяйства (КЗПХ), государственные промысловые хозяйства (ГПХ), совхозы оленеводческо-промысловые, государственные лесоохотничьи хозяйства (ГЛОХ), государственные охотничьи хозяйства (ГОХ) и др. В 1980 г. более 90 % территорий охотничьих угодий РСФСР, занимавших 1,4 млрд га, было закреплено за пользователями [16; с. 118].

К началу 1970-х гг. полностью оформилась система охотничье-заготовительных хозяйств. За КЗПХ в РСФСР на 1 января 1971 г. было закреплено 12,6 % площади охотничьих угодий республики, а за госпромхозами – 11,5 %. В 1971 г. в РСФСР действовали 117 коопзверопромхозов. На начало 1978 г. в ведении Роспотребсоюза имелось 122 коопзверопромхоза, за которыми было закреплено 261,1 млн га охотугодий. В Восточной Сибири располагалось 47 подобных хозяйств. Закрепленные за коопзверопромхозами угодья продуктивнее угодий госпромхозов поскольку создавались эти хозяйства раньше, в местах наиболее развитого охотничьего промысла.

Охотничьим промыслом на основе госплана добычи и сдачи пушнины кроме промхозов занимались свыше 200 совхозов и колхозов Севера, подчиненных Минсельхозу РСФСР. Госпромхозами через областные управления охотничье-промыслового хозяйства руководило специализированное хозрасчетное управление госпромхозов Главохоты РСФСР. В начале 1971 г. в госпромхозах работало 248 производственных участка [40; с. 174]. Производственная структура госпромхозов и кооппромхозов в основном была сходной.

В зависимости от значения выпускаемой продукции в общем объеме производства коопзверопромхозы относились к одной из трех основных групп: промыслово-заготовительного направления (60) – первостепенное значение в этих хозяйствах имели промысел и заготовка пушнины и дикоросов, в незначительной степени было развито звероводство; заготовительно-промыслового направления (36) – основное значение имели заготовка и переработка дикоросов, а также добыча и заготовка пушнины, в отдельных

хозяйствах клеточное звероводство; звероводческого направления (26), в которых преобладало клеточное звероводство, в ряде хозяйств был развит промысел пушнины и заготовка дикоросов. В частности, промхозы звероводческого направления доминировали в Бурятии [56, с. 14, 15].

Угодья хозяйств делились на отделения и производственные участки, в состав которых входили базы, бригады, звенья, обслуживавшие и объединявшие штатных охотников и сезонных работников. За бригадой охотников закреплялся промысловый участок [48].

В Иркутской области КЗПХ входили в Иркутский трест коопзверопромхозов – один из старейших в стране. Они владели 92,2 % охотничьих угодий и выполняли основные объемы охотничьих заготовок. В его ведении в середине 1970-х гг. находилось 16 КЗПХ, за которыми было закреплено 60 419 тыс. га охотугодий, специализированное звероводческое хозяйство в пос. Топка и Шелеховская заготовительно-сбытовая база. Наличие разветвленной инфраструктуры облегчало деятельность промысловых хозяйств. Здесь концентрировалась и дорабатывалась продукция отдельных промхозов, через них осуществлялись поставки продукции и материально-техническое обеспечение хозяйств. В 1964–1974 гг. объем заготовок и производство продукции увеличились с 5 до 14 млн руб., т. е. в 3,4 раза. За 10 лет заготовлено 3,6 млн шкурок белки, 231 тыс. соболя, 607 тыс. ондатры и т. д., на общую сумму 14 млн руб. Трест был устойчиво рентабелен, несмотря на убыточность сельхозпроизводства (в 1965 г. трест принял 40 убыточных сельхозартелей и преобразовал их в КЗПХ).

Типичным представителем хозяйств, входивших в Иркутский трест, являлся Ленский КЗПХ. За ним закреплено 3 141 тыс. га охотугодий, в том числе 2 502 тыс. га лесных, из которых 391 тыс. га кедровников. Основными отраслями хозяйства являлись охотничий промысел и сбор орехов и ягод, а дополнительными – заготовка и переработка леса, лов рыбы и сельхозпроизводство. Главная продукция охотничьего промысла – пушнина давала до 50 % дохода хозяйства. В стоимости пушнины шкурки соболя и белки занимали около 80 % [40; с. 174].

Байкальский коопзверопромхоз Иркутской области – пионер среди охотничье-промысловых хозяйств Восточной Сибири в создании орехопромысловых баз. Особенностью организаци-

онно-производственной структуры этого хозяйства являлась организация орехопромысловых баз – самостоятельных производственных участков, подчиненных непосредственно центральной конторе хозяйства.

В комплекс таежных сооружений этих баз входили складские помещения, жилье для бригады рабочих-возчиков, сторожа, контора, общежитие для орехосборщиков, пекарня, баня, гараж, конюшня и сушилка для обработки готовой продукции. Некоторые отдаленные промысловые базы имели вертолетные площадки. Каждая база располагала широкой разветвленной сетью заготовительных пунктов – подбаз, которые соединялись с ней выючными тропами или тракторными дорогами. Назначение подбаз – максимально сократить перевозки готовой продукции выючным способом от индивидуальных участков орехосборщиков до складов хозяйства. Это давало возможность наименьшими силами (рабочих-возчиков и лошадей) справляться с интенсивными перевозками продукции в сезон массовых заготовок.

Описываемая система управления и организации производства позволяла орехосборщикам, большинство которых состояло из отпускников, получать расчеты за сданную продукцию в день окончания работ. Дополнительные затраты на строительство подбаз и услуги сезонных сторожей полностью компенсировались сокращением транспортных расходов. Количество подбаз определялось практической целесообразностью и общей площадью кедровых урочищ. На территории подбазы располагалось несколько индивидуальных участков орехосборщиков. Благоустройство производственных сооружений индивидуальных участков производилось силами хозяйства и сборщиков.

Наряду со сбором кедровых орехов таежные базы занимались заготовкой других дикорастущих растений, лекарственно-технического сырья, производством хозяйственных товаров и лесозаготовками. На время заготовок ягод и грибов открывались дополнительные приемные точки в районе.

После окончания сезона промысла дикорастущих плодов и ягод начиналась добыча пушнины, мяса диких копытных и боровой дичи. Основная масса промысловой пушнины заготавливалась охотниками-любителями. Таким образом, промысловая база функционировала практически круглый год, обеспечивая все операции по организации заготовок таежной продукции.

Необходимость организации указанных баз была особенно важна в связи с сокращением числа мелких таежных населенных пунктов.

При большой территориальной разбросанности охотничьих угодий, отсутствии дорожной сети и острой нехватке транспорта охотничье-промысловые базы являлись опорными пунктами освоения сырьевых ресурсов. Опыт организации кедрового промысла в Байкальском КЗП широко использовался в охотопромысловых предприятиях Читинской и Бурятской АССР [3; с. 8].

В Бурятии в 1971 г. функционировали 7 госпромхозов и 7 коопзверопромхозов. Для ликвидации обезлички в пользовании охотугодьями проводилось внутрихозяйственное охотустройство. Составлялись проекты с перспективой на 10 лет по каждому промысловому участку. Такая работа к началу 1970-х гг. была выполнена в Баргузинском, Кабанском, Прибайкальском и Витимском зверопромхозах. Проводились охотхозяйственные и биотехнические мероприятия, направленные на повышение продуктивности охотугодий [41; с. 316, 327; 44, с. 70].

Сложившаяся в республике система управления охотничьим хозяйством определяла структуру управления размер производства хозяйства и отраслей, их сочетание; уровень механизации, концентрацию и специализацию производства; размер территории хозяйства; число работников и населенных пунктов, расстояние между ними, качество дорог; количество внутрихозяйственных подразделений; наличие в хозяйстве средств связи и передвижения; уровень подготовки кадров руководителей и специалистов и др. Различные комбинации этих факторов обуславливали построение структуры управления в конкретном хозяйстве [2; с. 66].

Однако принимаемые меры не везде обеспечивали требуемую эффективность, например, в 1976 г. специалистами республики и руководством района была признана неудовлетворительной работа Баргузинского промхоза по охране и восстановлению охотресурсов, приумножению природных богатств. III региональное научно-производственное совещание по проблемам комплексного развития производительных сил БМ АССР (25 дек. 1979 г.), исходя из имевшегося состояния, потребовало «рационализировать использование государственного охотничьего фонда» и усилить его охрану [1; с. 14; 23; л. 100; 24, л. 44].

Наиболее характерной для всех форм охотничье-промысловых хозяйств Западного Забайкалья являлась линейная структура управления, имевшая ряд недостатков. Например, специалисты хозяйств были лишены возможности непосредственно воздействовать на производственный процесс. Руководители отделений и производственных участков получали от всех специалистов указания, которые иногда имели противоречивый характер.

Существовавшая организационно-производственная структура охотхозяйственных предприятий Западного Забайкалья была далека от совершенства. Во многих районах не было завершено проведение межхозяйственного охотустройства, что отрицательно влияло на их производственную деятельность. Несовершенство организационной структуры промхозов проявлялось главным образом в нерациональном размещении производственных участков. Внутри производственных участков штатные охотники проживали в отдаленных друг от друга населенных пунктах, не представляя компактного производственного коллектива.

Дальнейшее развитие организационной структуры охотхозяйственных предприятий сталкивалось, с одной стороны, со стремлением рабочей силы к концентрации, которая выражалась в переселении в крупные населенные пункты, а с другой – присущей охотничьему хозяйству специфичностью, связанной с освоением обширной производственной площади [2, с. 60].

В целом в рассматриваемый период в регионе работала сложная система из 47 хозяйств, обеспечивавшая эффективное использование охотничьих и в целом промысловых ресурсов Байкальской Сибири (табл. 1).

Таблица 1
Охотничье-промысловых хозяйств Байкальской Сибири в 1977 г.
(числитель – число хозяйств; знаменатель – площадь, тыс. га [40, с. 146])

Территория	Госпромхозы	КЗПХ	Всего
Бурятская АССР	8/14 800	8/13 878	16/28 678
Иркутская обл.	4/8 000	16/60 419	20/68 419
Читинская обл.	6/7 800	5/5 362,8	11/13 162,8
Регион	18/30 600	29/79 659,8	47/110 259,8

Больше всего промхозов (табл. 1) находилось в Иркутской области, что определялось ее превосходством в площади охотничьих угодий. В Забайкалье количество КЗПХ и ГПХ было практически равным, а в Предбайкалье – принципиально отличалось в сторону кооперативных хозяйств, особенно в площади угодий.

Большое значение в деле повышения эффективности производства имеет структура производственного предприятия. Конечно, процесс это живой и непрерывный, так как приходится постоянно реагировать на изменения внешних и внутренних условий и обстоятельств. Целесообразно рассмотреть схему организации управления и структуру производства в Красночичкойском КЗП Читинской области. Хозяйством руководил директор, которому подчинялась служба главных и старших специалистов, а также руководители отделений и производственных участков. К старшим и главным специалистам относились: главный охотовед, главбух, старший экономист, старший товаровед и старший механик. Во второй блок входили овощесушильный завод (отделение № 1), отделение № 2 и три производственных участка. Старший охотовед организовывал работу заготовительного пункта пушно-мехового сырья и пункта по переработке дикорастущих плодов и ягод. Производственные участки включали в себя охотопромысловые базы.

Черемховский Харцагинский хозяйственно-производственный центр в кедровом уголье был приравнен к статусу отделения или производственного участка промхоза. Он сочетал в себе технологическую связь материально-технического обеспечения промыслов и подсобных работ с сырьевыми ресурсами орехопромысловых угодий.

Красночичкойский коопзверопромхоз – единственное охотпредприятие в Южном Забайкалье, имевшее смешанную структуру производства. Функциональная (отраслевая) структура управления в охотхозяйственных предприятиях не получила развития.

В 1970-е гг. в охотничьем хозяйстве Байкальского региона преобладали факторы и условия, сдерживавшие концентрацию и централизацию производства. Это, во-первых, пространственная обширность производственной площади при отсутствии развитой дорожной сети; во-вторых, низкая энерговооруженность рабочих, занятых в производстве, ввиду чего имелось множество мелких подразделений (звенья охотников и ореходобытчиков) с абсолютным преобладанием ручного труда; в-третьих,

отсутствие организационной и технической самостоятельности производственных подразделений, что усугублялось отсутствием современных средств связи и невысоким уровнем организации транспорта.

Самый же существенный недостаток данной структуры управления состоял, по мнению А. А. Атутова, В. П. Москвитина, И. Б. Тармаева, в том, что нерационально использовался труд специалистов хозяйства. В частности, биолог-охотовед обязан, главным образом, заниматься вопросами организации промысла, учетом численности промысловых животных и на этой основе осуществлять кратко- и долгосрочное планирование охотхозяйственного производства. Вследствие многоотраслевого характера производства и линейной структуры управления этот специалист большую часть рабочего времени тратил на выполнение снабженческих и других функций, так как являлся одновременно заместителем директора хозяйства [2, с. 60, 65, 67].

В целом, по мнению автора, управление охотничьей отраслью в РСФСР нельзя было признать эффективным. Основным недостатком тогдашнего охотничьего хозяйства являлась раздробленность. Руководство им осуществлялось целым рядом организаций, в деятельности которых вес охоты был ничтожен [53, с. 41].

В субъектах РСФСР хозяйства, занимавшиеся промыслом, были подчинены разным структурам. В 1970-е гг. в таежном природопользовании Байкальского региона хозяйственным освоением одних и тех же сырьевых ресурсов занимался ряд ведомств. В частности, охотничьим хозяйством – пять учреждений: управления заготовок общотребсоюза, управления охотничьего хозяйства Главохоты РСФСР, отделы северных колхозов областных управлений сельского хозяйства, областные добровольные общества охотников и военно-спортивное общество охотников ЗаБВО.

Кроме этого, ряд специалистов сомневался в целесообразности подчинения госпромхозов Главохоте РСФСР, так как его главной производственной функцией являлась охрана и контроль использования государственного охотничьего фонда и охотничьих угодий. В результате создания госпромхозов Главохота РСФСР и ее местные (областные) органы были вынуждены совмещать взаимоисключающие функции: эксплуатацию сырьевых ресурсов охотничьего хозяйства при одновременных охране и контроле.

Аналогичное явление существовало в организационной структуре лесного хозяйства, где были совмещены функции эксплуатации и охраны леса, поэтому там была произведена соответствующая организационная дифференциация их деятельности. Наиболее четкое функциональное подразделение элементов эксплуатации и охраны ресурсов в данный период существовало в рыбном хозяйстве [2, с. 58–59].

Эффективность охотничьего промысла в значительной степени зависит от материально-промысловой базы охотхозяйств. Состояние экономического обеспечения промысла в регионе и результаты хозяйствования ГПХ показаны в табл. 2.

Таблица 2

Материально-техническая база госпромхозов Восточной Сибири и выход продукции промыслов в начале 1970-х гг. [40, с. 166].

Управление	Количество на 1 млн га			Продукции с 1000 га/руб.	
	Избушек	Автомашин	Лошадей	Всего	В том числе пушнины
Тувинское	20	1,5	28	236,7	42,1
Читинское	30	7,1	37	89,9	28,3
Бурятское	5	1,2	2	56,6	28,3
Красноярское	10	1,1	6,9	39,2	16,1

Читинские госпромхозы были более состоятельны с экономической точки зрения. Но наиболее рентабельными были хозяйства Тувинской АССР. Бурятское и Красноярское управления с трудом обеспечивали минимальный уровень рентабельности (табл. 2).

Состояние поголовья промысловых птиц в Байкальском регионе показано в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Численность тетеревиных в Читинской области (по данным Госохотгучега РСФСР) (тыс. экз.) [49, с. 81]

Виды птиц	1972	1975	1978	1981
глухарь	11	13	9	12
рябчик	50	40	60	130
тетерев	125	150	80	70

Данные табл. 3 показывают нестабильную динамику численности тетеревиных в течение десятилетия в Читинской области и отсутствие четко выраженных тенденций. Особенно существенные различия зафиксированы в численности рябчика.

Вместе с тем можно констатировать, что катастрофических сокращений в рассматриваемый период в численности птиц не происходило. Так, в 1972 г. общая их численность составляла 186 тыс., в 1975 г. – 203, в 1978 г. – 149, в 1981 г. – 212. В среднем годовом исчислении численность тетерева составляла 106 тыс. гол., рябчика – 70, глухаря – 11.

Таблица 4

Численность тетеревиных на территории Прибайкалья в 1980 г.
(тыс. экз.) [49, с. 82]

	Глухарь	Рябчик	Тетерев
Иркутская область	85	560	120
Бурятская АССР	18	200	64
Всего	103	760	184

В Прибайкалье, в соответствии с данными табл. 4, численность промысловой птицы в иркутских и бурятских угодьях различалась принципиально, но была высока. Наиболее распространенной птицей являлся рябчик, затем – тетерев, и в наименьшем количестве присутствовал глухарь.

Строительство Байкало-Амурской магистрали внесло принципиальные изменения в организацию и результативность в регионе охотхозяйства, сократив его промысловую базу. Охотничьи угодья зоны БАМа как среда обитания промысловых животных и производственная территория отличаются по условиям произрастания растительности, особенностям жизнедеятельности, численности и пространственной структуры популяций основных промысловых видов.

Специфические формы имел и антропогенный фактор, направление и интенсивность хозяйственного освоения территории. С другой стороны, совокупность природных и экономических факторов определяла способы и методы, периодичность и уровень эксплуатации промысловых ресурсов.

Угодья зоны БАМа были закреплены за 34 промыслово-оленоводческими хозяйствами, общая площадь которых составляла 130,4 млн га. Биологическая продуктивность угодий иркутской подзоны по пушнине, мясу диких копытных и боровой дичи оценивалась в 238,9 руб./1000 га, в том числе по пушнине – 99, мясу диких копытных – 134,7, боровой дичи – 5,1 руб./1000 га. Основным видом пушных ресурсов являлся соболь, биологическая продуктивность угодий по нему составляла 71,8 руб./1000

га, а плотность в подзоне – 1,62 особи на 1000 га, численность перед промыслом – 40 тыс. животных.

Хозяйственно-возможная продуктивность угодий Иркутской подзоны составляла 69,9 руб./1000 га, в том числе на пушнину приходилось 43,3, мясо диких копытных – 23,4, боровую дичь – 3,2 руб. Фактическая продуктивность территории с учетом «оседающей» у населения продукции промысла – 56,8 руб./1000 га, в том числе по государственным заготовкам охотхозяйственной продукции – 29,5 руб.

Исследования показали, что в целом по этой подзоне фактическая продуктивность угодий по основным промысловым видам пушных животных не достигала уровня хозяйственно-возможной. Исключение составлял основной вид ресурсов – соболь. Степень освоения этого вида равна 126,5 %, что говорит о неблагоприятном состоянии его популяции в данной подзоне. Площадь продуктивных охотничьих угодий в иркутской подзоне достигала 29 369,3 тыс. га. Здесь обитало около 300 тыс. белок, 10 тыс. горностаев, 8 тыс. лосей и 12 тыс. северных оленей. Уровень хозяйственно-возможной эксплуатации этих видов соответственно равен 254,3; 4,1; 1,1 и 2,4 тыс. особей.

Площадь продуктивных угодий бурятской подзоны составляла 16 962 тыс. га. Их биологическая продуктивность несколько ниже, чем в иркутской подзоне, и составляла 223,9 руб./1000 га, в том числе по пушнине – 56,8, мясу диких копытных – 156,7, боровой дичи – 10,4 руб./1000 га. Среди пушных промысловых видов преобладали соболь, белка, ондатра, их промысловая численность оценивалась соответственно в 10, 60 и 130 тыс. особей. Исключение составляла ондатра. Ее плотность в иркутской подзоне – 0,46, в бурятской – 2,10 особи на 1 га. Это объяснялось более благоприятными условиями существования популяций этого вида в бурятской подзоне. Среди диких копытных выделялся лось – 83 руб./1000 га, по боровой дичи (глухарь) – 6,6 руб./1000 га.

Хозяйственно-возможная продуктивность 1000 га угодий оценивалась в 58,3 руб., из них на пушнину приходилось 24,4, мясо диких копытных – 27,3, боровую дичь – 6,6 руб./1000 га. Фактическая продуктивность с учетом «оседания» охотопродукции – 45,7 руб., в том числе по пушнине – 24,2, мясу диких копытных – 17,1, боровой дичи – 4,4 руб./1000 га.

Нормативный уровень хозяйственной эксплуатации популяции соболя, по расчетам, составлял до 3 200, фактически добывалось более 3 900 соболей, степень освоения ресурсов этого вида в бурятской подзоне – 121,2 %. Запасы белки, напротив, недоосваивались, возможный резерв заготовок – более 30 тыс. шкурок. Ресурсы горностая осваивались на 63, колонка – на 72,1 %. Повышенный «пресс» охоты характерен для популяции ондатры, так как ее водоемы расположены вблизи населенных пунктов. Запасы диких копытных и боровой дичи повсеместно недоосваивались.

В читинской подзоне за 9 промыслово-охотничьими и сельскохозяйственными предприятиями закреплено было 17,4 млн га, из них 20,8 % – за совхозом «Чарский» и 14,8 % – за Могочинским коопзверопромхозом. Доминирующим типом угодий здесь являлась смешанная светлохвойная тайга – 9 752,8 тыс. га, значительная площадь гарей – 2 231 тыс. га, гольцов и каменистых россыпей. Сельхозугодий было немного – 38,9 тыс. га.

Биологическая продуктивность угодий оценивалась в 249 руб./1000 га, в том числе на долю пушных видов приходилось 68,5, мясо диких копытных – 164,6, боровую дичь – 15,9 руб. Хозяйственно-возможная продуктивность территории 71,1 руб./1000 га, причем на пушнину приходилось только 29,5 руб.

Значительны запасы боровой дичи, особенно глухаря, возможная продуктивность угодий по этим видам – 10,4 руб./1000 га. С учетом «оседания» охотпродукции уровень фактической продуктивности территории составляла 49,1 руб./1000 га, однако по заготовкам всего лишь 18 руб. Так, фактическая продуктивность угодий по пушнине – 24,6 руб./1000 га, по заготовкам – 14,7, по мясу диких копытных соответственно 17,2 и 2,9, боровой дичи – 7,3 и 0,4 руб./1000 га.

Ареал соболя в читинской подзоне составлял 12,5, белки – 9,3, горностая – 13,4, колонка – 8,6 млн га, а удельный вес в общей площади закрепленных угодий соответственно 76,7; 57; 31,8; 52,7 %. Значительна площадь обитания лося и дикого северного оленя (11,4 млн га), предпромысловая численность этих видов достигала соответственно 3 570 и 4 160 голов [17, с. 28–33].

В конце 1970-х гг. уровень промыслового производства в регионе был низок. В большинстве промхозов на 1 тыс. га охот-

ничьих угодий имелось лишь 50–100 руб. основных производственных фондов [52, с. 38].

Специалистами установлена зависимость между числом промысловых охотников и выходом пушнины с 1000 га. В 1970-х гг. в тувинских госпромхозах, где на 1 тыс. га угодий приходилось в среднем 0,2 охотника, этот показатель (в опт. ценах) составлял 42,1 руб., читинских и бурятских (0,1) – 28,3 руб., красноярских (0,04) – 16,1 руб. Конечно, разница в выходе продукции определялась и другими факторами, особенно биологической продуктивностью угодий, но общая тенденция очевидна.

Постоянные работники заинтересованы в многолетнем стабильном промысле и сохранении промысловых традиций. В 1970-е гг. штатные охотники Прибайкальского КЗПХ Шангин, Боев, Деренко ежегодно отлавливали на своих участках по 80–100 соболей. Охотники Кабанского промхоза П. Маслов, И. Маслов, Г. И. Афанасьев, Н. И. Инешин и другие добывали на закрепленных участках по 1 тыс. шт. ондатры.

Вместе с тем в большинстве промхозов в 1970-е гг. значительная часть продукции (до 50 %) добывалась не штатными охотниками, а любителями-сезонниками. До половины пушнины, особенно добытой любителями, не сдавалось государству. Если в 1930-е гг. промысел белки в регионе вели 7 тыс. профессионалов и только 1 тыс. сезонников, то в конце советского периода существовало обратное соотношение [4; 40, с. 169; 52, с. 36].

В 1972 г. в КЗПХ Бурятии работало всего 240 штатных и 1 600 полуштатных охотников. Вместе с тем в 1970-е гг. в дельту р. Селенги на промысел ондатры приезжало ежегодно до 3,5 тыс. охотников [18, с. 83–84; 51, с. 13].

Попытки заготовительных контор потребительской кооперации компенсировать сокращение профессионалов использованием сезонных охотников в 1970-е гг. не удались. Заготовки продолжали снижаться, причем уменьшалась и численность некоторых ценных животных в отдельных районах ввиду их нерациональной эксплуатации. Сезонники заняты в охотхозяйственном процессе незначительное время, главным образом во время своего отпуска, поэтому их невозможно привлечь к выполнению охотустроительных, биотехнических и других охотхозяйственных мероприятий. Вся эта работа проводилась силами штатных охотников на своих участках. Это обеспечивало правильную ох-

рану животных, позволяло рационально использовать производительность фауны, создавало материальную заинтересованность штатных охотников. Привлечение сезонных охотников оправдало себя для добычи белки, колонка, горностая.

За заслуги в охотничьем промысле охотники-промысловики постоянно награждались государственными наградами. В частности, в 1971 г. охотник коопзверопромхоза с. Большая Речка Красночуйского р-на Н. Д. Нагаев награжден орденом Трудового Красного Знамени [39].

На основе вышерассмотренных факторов и обстоятельств развивалось охотничье хозяйство региона. При этом охотничьи угодья региона осваивались в щадящем режиме (использовалось от 60 до 80 %), а перепромысел не превышал 10 %. Вместе с тем от 22 до 40 % угодий не осваивалось (табл. 5).

Таблица 5

Использование охотничьих угодий госпромхозами Байкальской Сибири в 1976 г. [40, с. 170]

Управление	Число хозяйств	Площадь, тыс. га	Опромышленение угодий, %			
			нормальное	не осваиваются	полное	перепромысел
Читинское	6	7 465,4	55,1	22,0	19,8	2,9
Бурятское	3	5 826,5	53,3	23,4	12,5	10,8
Иркутское	1	2 370,0	30,0	40,0	20,0	10,0

В зоне Севера в 1975 г. заготавливалось 52 % всей промышленной пушнины, добытой в РСФСР. На долю колхозов и совхозов приходилась примерно половина, остальное – на госпромхозы, коопзверопромхозы и некоторые другие организации. Соболя было заготовлено 125 тыс. шкурок, из них в Иркутской области – 12,8 %; ондатры – 781,9 тыс. шкурок, в области – 3,2 % этого количества; белки – 1 437,5 тыс., в области соответственно – 19,4 %.

С начала 1960-х гг. выросла лишь добыча соболя (с 85,4 тыс. в 1965 г.). Постоянно сокращалась добыча ондатры. Заготовки шкурок песца и белки остались относительно стабильными (100,5 тыс. в 1978 г. и 78,5 тыс. в 1965 г. по песцу и 1 482,4 тыс. по белке). Производственная охота на водоплавающих птиц была повсюду запрещена [52, с. 37].

Показатели заготовки боровой птицы в Иркутской области демонстрируют нестабильность, причем по всем заготавливающим структурам. В рамках рассматриваемого периода господ-

ствовала понижающая тенденция, а перепады достигли почти трехразовой величины. Данные табл. 6 свидетельствуют, что основным ее производителем являлся трест КЗПХ, он же и демонстрировал максимальные перепады результатов, затем шло общество охотников и рыболовов, а замыкало список управление охотпромхоза. В рамках семилетнего периода наиболее позитивную тенденцию продемонстрировало общество охотников и рыболовов.

Таблица 6
Заготовка боровой дичи в Иркутской области (тыс. шт.) [21, с. 103]

Организация	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985
Трест КЗПХ	23	6,9	8,2	17,1	12,1	11,6	12,9	18
Управление охотничье-промыслового хозяйства	2,2	2,1	2,1	2,4	1,6	1,4	2	1,9
Общество охотников и рыболовов	8,8	6,9	2,1	7,3	7,3	Нет данных	12,2	12,5
Всего	34,0	15,9	12,4	26,8	21,0	13	27,1	32,4

На территории Бурятии в начале 1970-х гг. основными видами являлись белка, соболь, ондатра. В общих заготовках пушнины эти виды составляли следующий удельный вес: белка – 42,6 %, соболь – 35,5 %, ондатра – 15,5 % [19, с. 90].

Результаты функционирования охотничьего хозяйства Байкальского региона в рассматриваемый период были достаточно высокими, в частности, читинские госпромхозы занимали первые места в регионе по производству мяса диких копытных животных (в 1975 г. – 681,8 ц) и заготовкам боровой дичи (15,2 тыс. шт.) [40, с. 154]. Область ежегодно только на экспорт поставляла 500–600 косуль, 15–17 т мяса изюбря, 100–110 тыс. рябчиков и куропаток, а также панты, кабарговую «струю» и другое лекарственное сырье.

По-иному выглядит ситуация в регионе в разрезе качественных и экономических показателей. В Восточной Сибири в 1971–1973 гг. (Тува, Бурятия, Красноярский край, Иркутская и Читинская обл.) экономические результаты производства трех основных групп охотпродукции были следующими. Уровень рентабельности производства пушнины: в КЗПХ – от 5,2 до 8,9, в ГПХ –

от 1,5 до 10. В кооперативных хозяйствах Бурятской АССР и в государственных Красноярского края производство охотничьей пушнины было убыточным (соответственно -5,2 и -14,1 % по отношению к себестоимости). Уровень рентабельности производства мяса диких копытных в КЗПХ колебался в широком диапазоне – от 6,1 до 55,5 %, в ГПХ – от 5,7 до 14,9 %. И в этой отрасли понесли убытки красноярские КЗПХ (-6,6), тувинские и бурятские госпромхозы (-7,9 и -6,9 %). Заготовки боровой дичи снизилась и в КЗПХ Иркутской и Читинской областей (7-11,1 %). Красноярские и бурятские КЗПХ имели убытки -2,5 и -15,2 %.

В северных КЗПХ Иркутской области за 1972-1973 гг. уровень рентабельности равнялся 8,5 %, в примагистральных – 5 %. Этого было совершенно недостаточно для расширенного воспроизводства, требующего минимальной рентабельности в 25-30 % [40, с. 188].

Хотя существовавшие комплексные хозяйства Главохоты РСФСР и Роспотребсоюза именовались охотничье-промысловыми и представляли основную опору охотхозяйственного производства, роль охотничьей продукции в 70-е гг. в них непрерывно снижалась, и эта отрасль не всегда являлась ведущей. По мнению Ф. Р. Штильмарка, удельный вес лесозаготовок и лесопереработки в промхозах непрерывно повышался, и кое-где наметилась тенденция к лесопромышленной специализации этих предприятий. В деятельности промхозов отсутствовала связь между охотхозяйственным и лесохозяйственным производствами и научно обоснованная увязка лесного и охотничьего хозяйства [28а, л. 48; 57, с. 47].

Доля охотничьего промысла в экономике промхозов показана в табл. 7.

В денежном отношении доходы от пушного промысла даже в ведущих хозяйствах составляли меньшую часть (табл. 7). Байкальский и Манский КЗПХ имели высокие показатели не только потому, что у них была выше фондообеспеченность. На их территории находились высокопродуктивные горно-таежные леса, дающие большой выход продукции охотничьего промысла. Оборудование угодий, строительство промысловых баз и подбаз, охотничьих избушек, дорог и троп способствовали более полному освоению ресурсов.

Таблица 7

Показатели интенсивности ведения хозяйства
в коопзверопромхозах Присянян в середине 1970-х гг. [40, с. 173]

Показатели	Иркутская обл.		Красноярский край	
	всего на 6 хозяйств	в том числе Байкальский КЗПХ	всего на 7 хозяйств	в том числе Манский КЗПХ
Затраты в руб. на 1 тыс. га	136,3	708,5	83,3	609,7
Основные производственные фонды, руб.				
Охотхозяйственные работы	6,2	17,1	5,6	22,1
Приходится угодий, тыс. га				
на рабочего-охотника	27,4	12,6	22,4	4,6
на промысловую базу	108,4	15,7	367,5	47,8
на автомашину	226,4	58,5	351,6	55,7
на трактор	256,6	51,2	288,5	47,8
Выход на 1 тыс. га угодий				
Продукции промыслов, руб.	191,7	736,6	122,1	915,7
в том числе пушнины	23,4	36,2	35,7	103,5
прибыли, руб.	64,3	307,1	21,9	237,1

Благодаря эффективной работе центральных структур РОРС и его региональных отделений, общая численность охотничьих животных и особенно добыча в угодьях Союза, обычно оказывалась выше, чем на остальной территории, хотя они никогда не превышали 18,6 % общей площади России. То есть плотность населения животных и продуктивность угодий (выход с 1 тыс. га) в хозяйствах РОРС всегда были выше.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что общества охотников находились в неравных условиях экономической деятельности, так как они выступали в качестве контрагентов государственных и кооперативных заготовительных организаций. Выполняя основную организационную работу по заготовке мяса, пушнины и другой продукции, особенно в густонаселенных районах страны, они получали только 5 % наценок, выделяемых государством на покрытие расходов сельских потребительских обществ [16, с. 180].

К концу 1970-х гг. стала очевидной разница в экстенсивном и интенсивном пути развития хозяйств. Например, в 1979 г. Братский и Казачинский промхозы Иркутской области имели примерно одинаковый состав ресурсов, но в различной степени подверглись антропогенному воздействию. На территории Братско-

го промхоза заготовки леса исчислялись миллионами кубометров, а в Казачинском – сотнями тысяч. Но в Братском промхозе, благодаря интенсивному ведению хозяйства, при этом получали пушнины по 37,3 руб./га, а в Казачинском – по 31,1 руб./га [38, с. 241; 44, с. 88].

В конце 1970-х гг. уровень промыслового производства в России, по мнению Е. Е. Сыроечковского, был низок. В большинстве промхозов на 1 тыс. га охотугодий имелось на 50–100 руб. основных производственных фондов. Значительная часть продукции (до 50 %) добывалась не штатными охотниками, а любителями-сезонниками. До половины пушнины, особенно добытой любителями, не сдавалось государству.

Выход из сложной ситуации он видел в закреплении угодий за профессиональными охотниками и обеспечении их самыми современными техническими средствами охоты, связи и доставки [52, с. 37].

Постоянную проблему и заботу для организаторов охотничьего хозяйства представляла борьба с хищными зверьми, и прежде всего с волками. Для активизации этой работы в конце рассматриваемого периода было установлено повышенное вознаграждение [14].

Ситуация с волками в разных районах региона была различной. В частности, в Иркутской области в южных и центральных районах в отличие от северных в 1950–60-е гг. произошло резкое уменьшение численности и сокращение ареала волка. Хищников уничтожили в некоторых лесостепных районах, и ряд лет их шкуры не поступали из Аларского, Братского и других районов. Затем произошел рост его поголовья. Изменение числа волков в Иркутской области прослеживается по заготовкам их шкур. Среднегодовые данные по пятилетиям составили: 1950–1954 – 336; 1955–1959 – 256; 1960–1964 – 186; 1965–1969 – 62; 1970–1974 – 75; 1975–1980 – 132 волчьих шкуры.

Иной была ситуация в Читинской обл., где несмотря на интенсивную борьбу, численность волка оставалась высокой до 1962 г., когда впервые уменьшилось поступление его шкур (510 шт.). В южных районах области средняя плотность волка составляла 11–33 экз. на 1 тыс. км². К 1970 г. она сократилась в 3–9 раз, но оставалась довольно высокой по сравнению с другими регионами Средней и Восточной Сибири. Большие показатели числа

зверей в лесостепи, южной горной и средней тайге Читинской области обусловлены экстенсивным животноводством с круглогодичным выпасом скота. Высокая численность диких копытных в отдаленных угодьях также обеспечивала обильное питание волка. Заготовка шкур волка в Читинской области (среднегодовые данные по пятилетиям) составила: 1950–1954 гг. – 996; 1955–1959 – 1000; 1960–1964 – 693; 1965–1969 – 427; 1970–1974 – 375; 1975–1980 – 434.

Плотность населения хищника в Читинской области была значительно выше, нежели в соответствующих ландшафтах Красноярского края и Иркутской области. В зоне северной тайги повсюду плотность волка различалась в меньшей степени, а по Читинской области и Красноярскому краю совпадала. Если сравнить заготовку шкур с единицы площади в годы наибольшей и наименьшей численности волка, то можно заключить, что наиболее эффективным истребление волков было в Иркутской области (снижение в 12,1 раза). Далее следовали Читинская область и Красноярский край, в которых поступление волчьих шкур сократилось соответственно в 5,2 и 4,1 раза [5].

В Читинской области в 1971 г. истреблено 348 волков, в 1972 г. – 353 волка. Ущерб от волков составил 28 голов крупного рогатого скота, 7 лошадей, 1 752 овцы и 730 оленей. В 1976 г. было отстрелено 413 волков. Заметную роль в борьбе волками в Читинской области играли члены Организации охотников и рыболовов и Военно-охотничьего общества ЗабВО [7, л. 31; 8, л. 29; 9, л. 30; 39].

Экологически допустимой плотностью населения волка во всех природных зонах Красноярского края, Иркутской и Читинской областей следует считать 0,4 экз. на 1 тыс. км². При этом общая численность популяции волка составит около 1,4 тыс. экз., что достаточно для сохранения генетического фонда этого вида в Сибири [5].

Менее успешно велась борьба с главным бичом охотничьего хозяйства – браконьерством. Оно всегда было головной болью не только для государственных органов охотнадзора, но и обществ охотников, особенно тогда, когда прошло закрепление охотугодий за коллективами охотников. Браконьеры совершали преступления не только против диких животных, но и против человека. Они вели самую настоящую войну против органов госохотнадзора и общественности.

В 1970-е гг. борьбу с браконьерством возглавляла Главохота РСФСР, в каждой области и автономной республике имелись координационные планы по охране и воспроизводству животного мира, в которых были задействованы все правоохранительные структуры, а также прокуратура и суды. В тех регионах и районах, где было организовано взаимодействие всех властных структур, милиции, прокуратуры, судов, госохотнадзора и рыбнадзора с общественностью, с народными дружинами, СДНД, егерским составом и администрацией охотничьих хозяйств, с членами обществ охотников и рыболовов, местными обществами охраны природы (ВООП) и другими заинтересованными лицами и организациями, достигались реальные результаты.

В этот период вскрывалось более 70 тыс. нарушений правил охоты, при этом ежегодно погибало от рук браконьеров 8–12 чел. – охотоведов, егерей, общественных охотинспекторов, дружинников. Огромный резонанс на всю страну получило дело об убийстве охотоведа У. Кнакиса, выпускника охотоведческого факультета Иркутского сельскохозяйственного института, начальника отряда по охране сайгаков в Калмыкии. Все это происходило в довольно благополучные годы, когда люди не голодали [16, с. 203–205].

Активная позиция службы госохотнадзора Главохоты, общественных инспекций, сформированных из членов обществ охотников и других участников этой борьбы, приносила свои плоды. Например, в Читинской области в 1971 г. охотнадзором было вскрыто 676 нарушений правил охоты, правда, при этом 283 браконьера остались ненаказанными. В 1972 г. действовало 4 совета по охотонадзору, которыми было выявлено 812 нарушителей, с которых было взыскано 19 112 руб., в 1976 г. – 567 нарушителей. Наиболее активно работали А. А. Наумов (96 задержаний), В. Ф. Ткачев (91 задерж.), Г. П. Воложанин (75 протоколов), Г. К. Днепровский (70 протоколов) [6, л. 30; 7, л. 23; 8, л. 23; 10].

Выявляемость нарушителей правил охоты была высокой, по фактам злостного браконьерства возбуждалось ежегодно до трех тысяч уголовных дел, а по всем остальным нарушителям применялись меры административного и общественного воздействия. В частности, в июле 1977 г. в газете «Правда» был опубликован фельетон «Догоняй, инспектор», в котором описывались факты злостного браконьерства должностными лицами Абатского рай-

она Тюменской области. В число должностных лиц, уличенных в браконьерстве, входили районный прокурор, секретарь райкома, директор мехлесхоза, лесничий и другие лица. В результате проверки указанных в фельетоне фактов за участие в запрещенной охоте от занимаемой должности освобожден районный прокурор. Возбуждено уголовное дело по факту отстрела группой лиц лосей и косуль. Сняты с работы и привлекались к ответственности бывший секретарь райкома КПСС, директор мехлесхоза и лесничий. В счет возмещения ущерба с них была взыскана значительная сумма. По уголовному делу бывшего председателя местного общества охотников, осужденного к условной мере наказания, приговор прокуратурой опротестован. За незаконную добычу лосей, оленей, соболей и белок браконьеры приговорены к двум годам лишения свободы и денежному штрафу. Браконьер, охотившийся на лебедей, по совокупности с другими преступлениями приговорен к десяти годам лишения свободы. Все браконьеры исключены из общества [16, с. 200; 25, л. 17]. В целях борьбы с браконьерством в Баргузинском КЗПХ в 1976 г. был заменен весь егерский состав.

На одном из советов РОРС была поддержана инициатива Свердловского областного общества охотников и рыболовов о создании специализированной добровольной народной дружины (СДНД) по охране и защите природных богатств, борьбе с браконьерством и нарушениями правил охоты и рыболовства. СДНД создавалась по всей стране в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 г. «Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка» [32]. Деятельность СДНД основывалась на Положении по охране общественного порядка, утвержденного постановлением СМ РСФСР от 19 июня 1974 г., законами СССР, РСФСР, постановлениями и распоряжениями СМ СССР, РСФСР, приказами Минрыбхоза РСФСР и Главохоты РСФСР. Они также поддерживались решениями и распоряжениями местных органов государственной власти, государственного управления охотничьим хозяйством, инспекции рыбоохраны, постановлениями советов и правлений РОРС, областных, районных и городских обществ охотников и рыболовов. Руководство СДНД осуществлялось областными, районными и город-

скими штабами добровольных народных дружин исполкомов советов нардепов.

В задачи СДНД входили охрана охотничьих хозяйств и приписных водоемов, активное участие в предупреждении и пресечении попыток браконьерства, нарушений правил охоты и рыболовства, охрана порядка, социалистической и общественной собственности в охотничьих хозяйствах, на водоемах, охотничье-рыболовных базах, останочных пунктах, лодочных причалах, при проведении спортивных мероприятий и мероприятий по охотничьему собаководству, участие в работе по воспитанию членов общества и населения в духе уважения и исполнения законов и правил охоты и рыбной ловли, а также борьба за сохранение в чистоте лесов, водоемов, воздуха, предупреждение пожаров и случаев неправильного применения удобрений, ядохимикатов в сельском и лесном хозяйстве.

Дружинники осуществляли надзор за созданием условий для размножения диких зверей, птиц и рыбы, особенно в заказниках, на токах и местах нереста рыбы путем контроля и ограничения посещения этих мест в период размножения, а также за пастьбой скота, сенокошением, рубкой леса.

Обязанности и права народного дружинника СДНД были столь велики, что он по статусу почти приравнялся к работнику милиции, а его социальная защита определялась постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 20 мая 1974 г., где предусматривались все меры компенсации материального и физического вреда, который дружинник мог получить при выполнении задачи по охране охотничьих хозяйств, приписных водоемов и пр. [16, с. 203].

Несмотря на большую работу, проводимую государственными, хозяйственными органами и общественными организациями, и достигнутые ими успехи, в охотничьем хозяйстве страны в целом и Байкальском регионе в частности имелась масса проблем и очевидных упущений. И хотя до 80 % таежных угодий было закреплено за организованными охотхозяйствами, рациональное использование сырьевых ресурсов тайги не было обеспечено. На практике полностью отсутствовала ответственность охотхозяйств за состояние сырьевой базы, хотя за расходование денежных средств они отчитывались регулярно.

В деятельности промхозов отсутствовали контакт между развитием охотхозяйственного и лесохозяйственного производства и научно обоснованная увязка лесного и охотничьего хозяйства [57, с. 47].

Органы охотнадзора, усилив борьбу с браконьерством на копытных и нарушениями правил спортивной охоты, устранились от контроля за использованием таежной фауны. Лесники также не считались с интересами охраны и воспроизводства, часто нарушая правила лесоэксплуатации.

В связи с нарушением государственной монополии на торговлю мехами с каждым годом возрастала продажа охотниками пушнины частным лицам. В некоторых районах до 80 % шкурок соболя, ондатры, выдры и значительная часть белки шли на частный рынок. Поэтому полностью потеряла значение лицензионная и лимитированная добыча пушнины. В ряде районов резко сократилась численность соболей, а на части площади (Хамар-Дабан, большая часть Восточного Саяна и др.) его численность стала критической.

Единственным способом воздействия на поголовье животных являлось регулирование размеров добычи. Достичь этого, по мнению специалиста-охотоведа, канд. биол. наук В. В. Тимофеева, можно было только с помощью сокращения срока пребывания охотников на промысле и общего сокращения количества охотников (главным образом любителей) с учетом конкретных условий отдельных районов [53, с. 40].

Другой важнейшей проблемой охотничьего хозяйства являлось его противостояние с сельским хозяйством, которое проявлялось в разных формах, порой совершенно неожиданных. Например, в 1970-е гг. в СССР проводилась долговременная кампания по агрохимизации сельскохозяйственных земель. Нередко без всякого согласования с руководителями колхозов и совхозов «Сельхозхимия» завозила в хозяйства сотни тонн невостребованных минеральных удобрений (суперфосфата, аммиачной селитры, сернокислого аммония). Удобрения ссыпали в наспех построенные дощатые склады, а чаще всего вывозили на поля и сваливали в огромные кучи под открытым небом. Осенью сюда слетались глухари, тетерева, рябчики и склевывали крупные фракции, принимая их за мелкую гальку (с помощью гальки в желудке птицы перетирается грубая пища: почки деревьев, хвоя

и т. п.) и, как следствие, уже в середине следующего десятилетия косач стал в регионе редким охотничьим трофеем [45].

Государство постоянно пыталось сэкономить на охотничьем хозяйстве, хотя цена вопроса в масштабах страны была ничтожной. Через это, при существовавшем в 1970-х гг. паритете цен на товары и услуги, охотничьи хозяйства обречены были быть убыточными. Только охотхозяйства, имевшие высокое покровительство местных властей, могли выжить в тех условиях.

Принимаемые меры были похожи на «тришкин кафтан», например, в 1970 гг. росли закупочные цены на пушнину и др., но снижались закупки массовых менее ценных видов пушнины, вопиюще слабым было материально-техническое оснащение охотничьего хозяйства и др. [16, с. 189].

Таким образом, анализ развития охотничьего хозяйства в России и Байкальском регионе в 1970-е гг. позволил выявить ряд противоречивых тенденций. Прежде всего, в рассматриваемый период политика руководства страны по отношению к охотничьему хозяйству не претерпела особых изменений. Был продолжен курс, определенный в конце 1950-х – начале 1960-х гг., ориентировавший отрасль на переход на путь интенсивного развития, в условиях сокращающихся трудовых ресурсов и роста себестоимости добываемой продукции [12, с. 88].

Главной особенностью рассматриваемого десятилетия стала нацеленность на развитие охотоведческой науки и внедрение ее достижений в практику функционирования отрасли. Активно изучался и использовался зарубежный опыт. Хозяйства ориентировали на комплексное использование биологических ресурсов, активизировалась борьба с хищниками и браконьерами. Большое внимание и поддержку стали оказывать профильным общественным организациям.

Наряду с этими позитивными процессами государственная политика было непоследовательной и недостаточной по своим масштабам и направлениям. Слабое внимание уделялось ценообразованию на производимую хозяйствами продукцию, что приводило к их нерентабельности, недостаточным был размер вознаграждения, получаемого штатными и сезонными охотниками. Недостаточное внимание уделялось созданию современной материально-технической базы отрасли, созданию надлежащей инфраструктуры. Все это привело к быстрому сокраще-

нию числа профессиональных охотников, а это в свою очередь – к снижению отдачи вложенных средств и оборудования.

Не удалось создать систему эффективного управления отраслью, организовать систему грамотного использования квалифицированных специалистов и руководящих работников, запустить механизмы подготовки кадров для отрасли, особенно охотников, принципиально минимизировать вред, наносимый отрасли хищниками и браконьерами.

В связи с этим страна, отрасль, население и природа получали значительно меньше возможного, хотя успешное развитие отрасли позволяло увеличивать валютные поступления страны и повысить жизненный уровень ее граждан. Все это вело к деградации природной среды, снижению эффективности народного хозяйства, престижности и устойчивости социально-политической системы государства.

Список литературы

1. Абрамов В. К. Принципы охраны млекопитающих // Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири: материалы совещания-семинара 8-10 июня 1972 г. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 124 с.
2. Атутов А. А. Таежное природопользование в Западном Забайкалье / А. А. Атутов, В. П. Москвитин, И. Б. Тармаев. – Новосибирск: Наука, 1982. – 129 с.
3. Атутов А. А. Опыт хозяйственной деятельности Байкальского коопзверопромхоза / А. А. Атутов, М. И. Смышляев, С. П. Немченко. – М., 1973. – 16 с.
4. Вост.-Сиб. правда. – 1986. – 29 янв.
5. Все о волках. Красноярский край, Иркутская, Читинская области [Электронный ресурс]. – URL: <http://ovolkah.ru/230/>.
6. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. Р-1649. Оп. 3. Д. 177.
7. ГАЧО. Ф. Р-1649. Оп. 3. Д. 205.
8. ГАЧО. Ф. Р-1649. Оп. 3. Д. 270.
9. ГАЧО. Ф. Р-1649. Оп. 3. Д. 288.
10. Забайкальский рабочий. – 1973. – 26 авг.
11. Земля людей. – Вып. 6. – М.: Знание, 1984. – 221 с.
12. Зуляр Ю. А. Основные этапы охотничье-промыслового освоения Байкальской Сибири в XX в. // Изв. Иркут. гос. акад. – 2003. – № 1. – С. 82–90.
13. Зуляр Ю. А. Теоретико-методологические основы исследования отечественной политики взаимодействия природы и общества // Изв. Иркут. гос. унта. Сер. Политология. Религиоведение. – 2008. – № 1(2). – С. 159–171.
14. Инstrukция о порядке выплаты вознаграждений охотникам за уничтожение волков и шакалов на территории РСФСР и истребление лисиц в районах вспышек эпизоотий бешенства, а также расходования средств, отчисляемых от страховых платежей на мероприятия по борьбе с вредными хищниками, наносящими ущерб сельскому хозяйству. Утв. Главохотой РСФСР 14 февраля 1979 г. // Сб. норм. материалов по охотничьему хозяйству / сост. А. А. Улитин. – М.: Лес. пром-сть, 1984. – 335 с.

15. Иркутский питомник лаек [Электронный ресурс]. – URL : <https://sites.google.com/site/laikarticles/lib/ip03>.

16. Каледин А. П. Очерки истории охоты / А. П. Каледин. – М. : ПТП Эра ; МГООиР, 2010. – 224 с.

17. Колесников А. Л. Зональные особенности продуктивности охотничьих угодий и оценка промысловых ресурсов БАМа // Эффективность рациональных систем освоения охотничье-промысловых ресурсов. – Новосибирск : ВАСХНИЛ СО, 1980. – С. 28–33. – (Науч.-техн. бюл. Вып. 26).

18. Комаров А. В. Изменение экологии ондатры под влиянием антропогенного воздействия в Восточной Сибири // Влияние хозяйственной деятельности человека на популяции охотничьих животных и среду их обитания : материалы науч. конф. – Киров, 1980. – Т. 2.

19. Курбетьев Г. Е. Коопзверопромхозы как одна из форм рационального использования промысловых животных // Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири. – Улан-Удэ, 1973. – С. 87–94.

20. Матвейчук С. П. Элитарность и эгалитарность в российской охоте [Электронный ресурс]. – URL http://piterhunt.ru/library/articles/matveychuk/elitarnost_i_eg.htm.

21. Мурашов Ю. П. Ресурсы промысловых тетеревиных птиц и меры по их рациональному использованию // Ресурсы животного мира Сибири. Охотничье-промысловые звери и птицы : сб. науч. тр. – Новосибирск, 1990. – С. 101–103.

22. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. П-1. Оп. 25. Д. 31.

23. НАРБ. Ф. П-1. Оп. 40. Д. 102.

24. НАРБ. Ф. П-29. Оп. 10. Д. 6.

25. НАРБ. Ф. П-29. Оп. 11. Д. 8.

26. НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 3546.

27. НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 3553.

28. НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 3598.

27 а. НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 3661.

29. О дополнительных мерах по усилению борьбы с нарушениями правил охоты. Постановление Совета Министров РСФСР от 23.02.1973 № 87. // Сб. нормат. актов по охране природы / сост. Е. Г. Говязина, Г. А. Метелкина ; под ред. В. М. Блинова. – М. : Юрид. лит., 1978. – 584 с.

30. О некоторых мерах по усилению борьбы с нарушителями правил охоты : постановление СМ СССР от 18.07.1972 № 529 // СП СССР. – 1972. – № 14. – Ст. 75. – С. 252–254.

31. Об итогах хозяйственно-финансовой деятельности Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при СМ РСФСР за 1962 г. : Постановление Совета Министров РСФСР от 13.05.1963 г. // Системат. собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР. – М., 1967. – Т. 8.

32. Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 г. // Сб. нормат. актов по охране природы / сост. Е. Г. Говязина, Г. А. Метелкина ; под ред. В. М. Блинова. – М. : Юрид. лит., 1978. – 584 с.

33. Об улучшении руководства пушно-промысловым хозяйством РСФСР : постановление СМ РСФСР от 23.02.1962 № 201 // Сб. норм. актов по охране при-

роды / сост. Е. Г. Говязина, Г. А. Метелкина ; под ред. В. М. Блинова. – М. : Юрид. лит., 1978. – 584 с.

34. Об упорядочении отстрела диких копытных животных : постановление СМ РСФСР от 17.08.1971 № 472 // Сб. норм. актов по охране природы / сост. Е. Г. Говязина, Г. А. Метелкина ; под ред. В. М. Блинова. – М. : Юрид. лит., 1978. – 584 с.

35. Об усилении ответственности за нарушения правил охоты, уклонение от обязательной сдачи государству, незаконную продажу, скупку и переработку пушнины : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15.12.1972 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1972. – № 51. – Ст. 210. – С. 820–821.

36. Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов : Постановление Совмина РСФСР от 31.05.1973 г. // СП РСФСР. – 1973. – Ст. 89.

37. Об утверждении Устава Союза обществ охотников и рыболовов РСФСР (Росохотрыболовсоюза) : Постановление Совета Министров РСФСР от 1.06.1978 № 267 // СП РСФСР. – 1978. – № 13. – Ст. 90.

38. Орешко-Вербицкая Л. Н. Интенсивность ведения хозяйства и продуктивности угодий // Влияние хозяйственной деятельности человека на популяции охотничьих животных и среду их обитания. – Киров, 1980. – Т. 2.

39. Охотничий промысел [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. – URL : <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=2877>

40. Охотничье хозяйство РСФСР / В. В. Дежкин [и др.]. – М. : Лес. пром-сть, 1978. – 256 с.

41. Охотничье хозяйство СССР / В. А. Аммосов [и др.]. – М. : Лес. пром-сть, 1973. – 408 с.

42. Охотничьи законы : сб. нормат. правовых. актов и др. док. / сост. Н. В. Краев. – Киров : ВНИИОЗ, 1999. – 560 с.

43. Охотоведение / под ред. В. Ф. Гаврина. – М. : Лес. пром-сть, 1972. – 336 с.

44. Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири : материалы совещания семинара 8–10 июня 1972 г. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1973. – 124 с.

45. Парфенов Н. М. Промысловые звери и птицы [Электронный ресурс]. – URL : <http://encyclopaedia.lysva.ru/1/1-22.pdf>.

46. Перовский М. Вспомним ЦНИЛ Главохоты РСФСР // Рос. охот. газ. – 2009. – № 28.

47. Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР. Утверждено постановлением Совета Министров РСФСР от 10 октября 1960 г. // Охотничьи законы : сб. нормат. правовых. актов и др. док. – Киров, 1999.

48. Положение об охотничье-производственном участке управления охотничье-промыслового хозяйства и государственной охотничьей инспекции при областном (краевом) исполкоме, совете министров АССР : утв. Главохотой РСФСР 14 авг. 1980 г. // Сб. норм. материалов по охотничьему хозяйству / сост. А. А. Улитин. – М. : Лес. пром-сть, 1984. – 335 с.

49. Ресурсы животного мира Сибири. Охотничье-промысловые звери и птицы : сб. науч. тр. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 288 с.

50. Самусенко О. Г. Иркутский питомник / О. Г. Самусенко, С. И. Немченко // Охота и охотничье хозяйство. – 1975. – № 9.

51. Соколов Г. А. Охотничье хозяйство в кедровых лесах / Г. А. Соколов. – М. : Наука, 1966. – 108 с.

52. Сыроечковский Е. Е. Перспективы использования ресурсов охотничьих животных Крайнего Севера СССР в связи с его хозяйственным освоением // Влияние хозяйственной деятельности человека на популяции охотничьих животных и среду их обитания : материалы науч. конф. – Киров, 1980. – Т. 1.

53. Тимофеев В. В. Состояние и перспективы охраны и рационального использования животного мира Восточной Сибири // Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири : материалы совещания-семинара. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1973. – 182 с.

54. Типовые правила охоты в РСФСР : утв. Приказом Главохоты РСФСР от 1.03.1974 № 66 // Сборник нормативных актов по охране природы. – М., 1978. – С. 486–487.

55. Центральный государственный архив историко-политических документов. – СПб. – Ф. 3135. Оп. 6. Д. 1.

56. Шалыбков А. М. Справочник по охотничьим угодьям / А. М. Шалыбков, Б. Н. Лопырев, Б. П. Иващенко. – М. : Лес. пром-сть, 1981. – 224 с.

57. Штильмарк Ф. Р. Влияние лесохозяйственной деятельности на численность охотничьих животных Сибири // Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири. – Улан-Удэ, 1973. – С. 42–49.

Challenges of Hunting Sector Management in Baikal Region in 1970s

Yu. A. Zulyar

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Hunting sector development in RSFSR and Baikal region in 1970s is analyzed. Basic lines of research are defined and considered. They are public policy, hunting sector arrangement, kinds and forms of specific bodies, hunting sector practice and its peculiarities. The most significant problems of study are identified, they are scientific approach introduction, establishment of Central Research laboratory of hunting sector and its activity, local and regional authorities, industrial structures and facilities, BAM hunting ground conditions, difficulties hunters face with, voluntary hunting communities activity, predator control, poaching.

Keywords: Baikal region, the Irkutsk Region, the Chita Region, the Republic of Buryatia, BAM, hunting sector, rationalization of hunting industry, science, Escimo dogs

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения, декан исторического факультета, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: uazulyar@yandex.ru

Zulyar Yuriy Anatolievich – Doctor of Sciences (History), Professor, Dean, Historical Faculty Irkutsk State University office 410b, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372 e-mail: uzulyar@yandex.ru